

Мне и так хорошо

The background of the cover is black, featuring several thick, bright yellow lines. These lines are arranged in a complex, overlapping pattern. Some lines are parallel and slanted upwards from left to right. Other lines cross these parallel lines at various angles, creating a series of diamond and rectangular shapes. One line on the left side forms a loop that crosses itself. The lines appear to be drawn with a thick marker or brush, giving them a slightly irregular, hand-drawn quality.

16+

Яна Сибирь

Яна Сибирь

Мне и так хорошо

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56056690

SelfPub; 2020

Аннотация

Очень часто людям приходится надевать маски, чтобы казаться другими. А что, если эти самые «маски» к тебе «приросли»? Эта история о непростой судьбе девушки, страдающей синдромом диссоциативного расстройства личности и не только. Как она живет и страдает ли на самом деле – известно только ей и никому больше.

Глава 1

Сейчас я расскажу вам о своей довольно незаурядной жизни, а точнее о ее первых девятнадцати годах. Если после двух-трех страниц вам станет не интересно, то закрывайте книгу, без сожалений и переходите к другой. Не стоит тратить время на ненужные вещи.

Я родилась в обычной семье. В самой обычной семье, где мама Алла – врач-педиатр, а папа Александр – скромный владелец небольшого бара под названием «Яд». Родители нарекли меня Яной и дали фамилию Вист. Так что теперь, на некоторое время, отпущенное мне на этой земле, я – Яна Вист.

Не помню, как родители ко мне относились, любили меня или нет, и уж тем более не помню, читали ли мне сказки на ночь, или что-то вроде того. В моем случае остается только надеяться, что я была желанным ребенком, а не очередным разочарованием.

Моя мама погибла в аварии, когда мне было шесть лет. Отец остался со мной один на один и как большинство мужчин, не знал, что с этим делать. Через неделю после смерти своей жены он закрыл бар, предварительно перевезя все его содержимое в стеклянных бутылках домой и стал в прямом и переносном смысле «упиваться» своим горем. Слава Богу, этого я тоже не помню, а знаю лишь по рассказам маминой подруги Софии. В общем, все, что я знаю о своих родителях

– это заслуга Софии Некрасовой. Так же от нее я узнала, что со стороны матери у меня родни нет, а со стороны отца у меня родственники есть, но такие, которые не пожелали быть моими родственниками. Какая ирония. Хотя теперь это все уже не важно.

Но, знаете, жизнь – штука веселая и она любит над нами потешаться, поэтому она все же оставила в моей памяти один единственный день из моего детства. В тот день, третьего сентября, мне исполнилось семь лет. Я была дома одна, когда в дверь очень настойчиво постучали. Я знала, что это не отец. Он никогда не стучал, потому что наша дверь никогда не закрывалась на замок. Отец еще в первый месяц своих страданий потерял все ключи от квартиры, а чтобы в любое время попасть на свою жилую площадь, он запретил мне закрывать дверь изнутри. Тогда я не понимала, насколько это трагично, но мне же лучше. Зато теперь я с уверенностью могу сказать, что природа всегда права и то, что она сделала так, чтобы дети мало что помнили из своего раннего детства, наверняка было верным решением. Потому что, если все прошло хорошо, то и слава Господу, а если нет, то зачем об этом помнить. Думаю, вы со мной согласитесь. Или нет. Дело ваше.

Так вот, в тот злополучный день, третьего сентября, испугавшись до чертиков стука в дверь, я побежала в свою комнату, которая за год изменилась до неузнаваемости и залезла под письменный стол. Обняв саму себя за худенькие плечи-

ки, я начала медленно раскачиваться и просить Бога, чтобы он приказал стучавшимся уйти. Глупо? Да, скорее всего. Но тогда мне казалось, что это обязательно поможет.

Когда дверь открылась, и в квартиру вошли несколько человек, я поняла, что Бог не услышал мою просьбу и что в этом виновата я. Плохо или слишком тихо просила. Надо было лучше стараться.

– Ну, и где она? – послышался грубый мужской голос.

– Ты меня спрашиваешь? – раздался другой мужской голос, но по звучанию более молодой.

– Да хоть бы и тебя! – ответил первый и закурил сигарету. – Ну чего ты на меня уставился? Ищи, давай. Соседка же сказала, что девчонка все время сидит дома и никуда без отца не выходит. А это значит...

– Это значит, что она испугалась и спряталась, – закончил второй мужчина.

– Правильно, дружок, – сказал первый. – Действуй, а я пока пойду, водички попью. А вы, Светочка, не стойте столбом, а попробуйте помочь моему подчиненному в поисках.

Я не слышала тогда голос Светочки, но зато поняла, что в квартире уже трое незнакомых мне людей, который вот-вот меня найдут.

Я сжалась в комок и практически перестала дышать. Я боялась, что если они найдут мое укрытие, то заберут меня навсегда, и я больше не увижу отца. Страх – интересная вещь. Иногда он парализовывает, а иногда превращает человека в

зверя. Мой страх был из первой категории, поэтому я продолжала тихо сидеть и надеяться, что у этих взрослых людей не хватит ума заглянуть под единственный стол в обедневшей двухкомнатной квартирке.

Буквально через несколько минут я увидела лицо мужчины, который присев на корточки смотрел на меня своими усталыми глазами. Он ничего не говорил. Видимо не знал, как общаться с детьми, которые сидят под столом с бледной от ужаса физиономией. Он громко сглотнул, а потом стал оглядываться по сторонам, как будто хотел увидеть еще кого-то. Но, в комнате никого не было, а осмотреть худо-бедно обставленную комнату много времени не нужно. Раньше это была красивая комната с дорогой мебелью и всякими девчачьими штучками, которые я безумно любила. Теперь же это было просто помещение, где можно было спать на старом диване и возиться на заляпанном ковре с игрушками из прошлой жизни.

Мужчина чертыхнулся, глядя на все это убранство. Ему явно не в первый раз приходилось бывать в подобных квартирах, где даже обыкновенные грязные шторы наводили непреодолимую жалость и тоску.

– Светлана, – позвал он, продолжая сидеть возле меня. – Сделайте милость – подойдите ко мне.

По его голосу я поняла, что это тот, который «помоложе». Это, почему-то меня успокоило, и я даже не знаю, почему.

– Вы нашли девочку? – спросила женщина. Она медленно

вошла в комнату и сделала это настолько неуверенно, что мужчина закатил глаза и снова громко сглотнул.

– Да, – сухо ответил он. – Теперь делайте вашу работу, а мы подождем в соседней комнате.

Светочка кивнула и осторожно заняла место мужчины, а тот поспешно и с облегчением покинул комнату.

– Привет, малышка, – начала разговор женщина, стараясь изобразить на лице хоть какое-то подобие улыбки. – Меня зовут Света, а тебя?

Я не ответила и продолжала, молча сидеть, подтянув ноги и держа себя руками за плечи. В этот момент мы обе оказались в непростой ситуации: я была ребенком, который был напуган вторжением чужих людей, а она была социальным работником в свой первый рабочий день. В комнате повисла тишина, от которой и взрослым и детям становиться не по себе.

– Светочка, нам еще долго ждать? – раздался грубый мужской голос.

Светлана не ответила.

– Не торопи ты ее, – сказал тот, что был моложе. – Там же не щенок сидит, а перепуганный ребенок. Придется потерпеть.

– Ага! – с издевкой ответил первый. – Если бы я всегда терпел, то меня бы уже разорвало в клочья. Смотри, как надо быстро выполнять свою работу.

И вот этот мужчина, бросив на пол очередную недокурен-

ную сигарету и наступив на нее своим огромным башмаком, чтобы потушить, не стал больше слушать своего напарника, а быстро ворвался в комнату и, оттолкнув Светочку, схватил меня за руку и стал тащить из-под стола.

– Что вы делаете? – закричала Светлана. – Так же нельзя! Она же ребенок! Прекратите немедленно или я пожалуюсь вашему начальству!

– Только попробуй, – злобно сказал мужчина, после чего вытащил меня и в мгновение ока закинул к себе на плечо. – Пошли, деточка, поговорим, как взрослые люди.

Я не кричала и не плакала, и ему это было явно по душе. В моей голове как будто кто-то сказал: «Твоя жизнь в этом доме закончилась. Теперь она продолжится в другом месте». Потом я отключилась.

Очнулась я уже в машине, которая плавно катилась по темным улицам, везя двух полицейских, одного социального работника и меня. Я потрясла головой, как будто спросонья и попыталась вспомнить, как я там оказалась, но меня отвлекло, неизвестно откуда взявшееся в руке мороженное. Я посмотрела на Светочку, которая сидела рядом со мной на заднем сиденье машины и уже хотела поинтересоваться об этом явлении у нее, но она явно была не настроена на разговор, потому что, не отрываясь, глядела в окно и вытирала катившиеся по лицу слезы.

– А ты смышленная девчонка! – со смехом заметил мужчина с грубым голосом, который теперь сидел на месте во-

дителя. – Я бы даже не подумал, что в таком возрасте дети такие книги читают. А почему именно про самозащиту? Тебе нравится драться?

Я поняла, что он обращается ко мне, но не поняла, о чем он меня спрашивает. Я снова посмотрела на Светочку, ища в ней толи подсказку, толи защиту, но та продолжала неподвижно сидеть, и даже не смотрела в мою сторону.

– Ну, опять притихла, – сказал водитель. – Странная ты какая-то. То болтаешь обо всем на свете, то рычишь и отбиваешься, как дикий зверь, а то молчишь, как пришибленная... Яна, поговори с нами!

Что я могла ему сказать? Мне было семь лет! Я не могла понять, что хочет от меня этот огромный человек! Я почувствовала, как что-то застучало у меня в голове, а потом снова появился этот мерзкий металлический привкус во рту, и я уже приготовилась вновь потерять сознание... Но, неожиданно это чувство ушло так же быстро как появилось. Я выпрямилась и уселась поудобнее. Потом я открыла окно и выбросила мороженное, которое уже растаяло и залило мне все руки и штаны в придачу, а после этого спросила:

– Куда вы меня везете?

– О, малышка снова обрела дар речи! – воскликнул водитель. – Мы везем тебя в детский дом. Я же уже говорил. Ты что, забыла? Странная ты все-таки.

– Отстань ты от девчонки, Христа ради! – прикрикнул второй мужчина, который всю дорогу молчал и пытался се-

бя сдерживать. – Ребенок только что потерял последнего родителя, а ты сидишь и изводишь ее своими вопросами! Прекрати, а то я не поленюсь и дам тебе в морду.

Последующий диалог, который завязался между мужчинами, я не слышала. Как только до меня дошло то о чем сказал тот что «помоложе», я как будто провалилась в саму себя и уже в этой «глубине» пыталась, как умела в свои годы, разобраться – как это я потеряла последнего родителя? Куда он делся? Ну не мог же мой отец бросить меня вот так, с чужими людьми! Быть этого не может!

Вдруг в моей голове наперебой зазвучали незнакомые голоса. Я не знала, какой из них слушать, да и стоит ли их вообще слушать, но вот только не слушать я не могла, потому что они перекрикивали друг друга прямо у меня в мозгу. Один голос более резкий и настойчивый внезапно выделился среди других: «Слушай и запоминай. Твой отец умер несколько часов назад. В пьяной драке. Ножевое ранение. Его ты больше не увидишь. Эти люди везут тебя в детский дом, потому что у тебя никого нет, кто бы мог о тебе позаботиться. Теперь ты должна быть смелой, сильной и решительной. Теперь у тебя есть только ты».

Потом стало тихо. Совсем тихо. Я даже подумала, что оглохла, но только до того момента, пока вновь не услышала свое имя.

– Яна, ты есть хочешь? – спрашивал меня, тот что «помоложе».

– Нет, – машинально ответила я, хотя даже не помнила, когда ела в последний раз.

– Ты уверена? – спросил тот, что сидел за рулем. – Учти, в этом приюте сейчас никто не побежит готовить тебе ужин, и ты останешься голодной до утра. Так что если хочешь поесть, скажи и мы заедем и купим тебе что-нибудь пожевать.

– Нет, – повторила я.

– Ну, как знаешь, – сказал водитель и крепче взялся за руль.

Дальше ехали молча. Мужчины, разозлившись друг на друга, предпочли молчать. В голове у Светочки пульсировала лишь одна мысль – это ее первый и последний день на этой работе, а я просто впала в оцепенение, так как не знала, что будет со мной дальше, а неизвестность – хуже всего на свете.

Погода портилась, так же как душевное состояние всех сидящих в машине людей. Но по большому счету, в самом затруднительном положении тогда была только я. Конечно, те люди, которые везли меня, несомненно, мне сочувствовали, но они были вольны вернуться домой и прижаться к своим любимым людям или животным или на крайний случай к родному дивану, а я нет. Я была несчастной. Я была несчастной в свой седьмой день рождения. Надеюсь, что ни у кого из вас не было подобных праздников.

В общем, когда машина подъехала к трехэтажному зданию с одним освященным окном, я снова вернулась в реальность и первая мысль, которая проникла в мою голову, бы-

ла о том, что я практически ничего не знаю о таком учреждении, как «детский дом». Как оказалось я гораздо больше осведомлена о Михаиле Тимофеевиче Калашникове и о его знаменитой конструкции – автомате, который был сконструирован в 1947 году и принят на вооружение в СССР в 1949 году.

Спросите меня, откуда я знала это в семь лет? Книги! Дома их было много и я, научившись читать, в пять лет, уже не могла провести день без книги. Я читала постоянно, чтобы не чувствовать холодного одиночества или отвести мысли оттого, что я голодная, ну или просто чтобы убить время. Скажу только одно – книги всегда помогали, (и не только потому, что в них можно спрятаться) так что, если умеете читать, читайте как можно больше. Это только на пользу. Ведь многих проблем можно избежать, если посмотреть со стороны, как в них «вляпываются» другие люди и не делать подобных промахов. Возьмите на заметку.

Так вот, когда машина остановилась и водитель, тот полицейский, что с грубым голосом, открыл мне дверь и попросил выйти – я подчинилась. Вы бы тоже так сделали в семь лет.

– Сейчас мы опять всех перебудим и вместо благодарности за спасения ребенка получим только кислую мину сторожа и недовольную морду начальства, – сказал полицейский «постарше». – Ну, как малышка, ты готова к новой жизни?

Я шлепала за ним следом, в своем уже маловатом желтом

спортивном костюмчике, зеленых сапожках, в желтой куртке и когда-то белоснежной шапке, и думала, что ответить этому человеку.

– Не знаю, – сказала я, так и не придумав ничего более оригинального.

– В твоём возрасте я не был таким тихоней, – продолжил он. – Я точно знал, к чему готов, а к чему нет, а ты прям какая-то незнайка.

– Не слушай его, – вмешался в разговор второй полицейский. – Если хочешь, можешь взять меня за руку.

– Нет, – ответила я. – Спасибо.

Когда дверь детского дома распахнулась, и на пороге показался старичок лет шестидесяти, с хмурым лицом, в выцветшем пиджаке, застиранных брюках и стоптанных башмаках, я сразу поняла, что он не самый веселый старик на земле. И он сразу подтвердил мою догадку.

– Вам, товарищи, на вашей работе совсем мозги отбили? – рявкнул старик и сделал жест, позволяющий нам войти. – Вы же не первый раз уже приезжаете, так могли бы запомнить парочку простых правил. Ну не уж то нельзя было потерпеть до утра? Зачем пугать пожилого человека среди ночи?

– Ладно тебе, старик, – огрызнулся полицейский «постарше». – Вечерок и так не задался, так что хоть ты не занудствуй. Лучше позови кого-нибудь и желательного того, кто сможет быстро все оформить и забрать у нас девчонку.

Старику не оставалось ничего другого, как покориться

судьбе и вызвать по телефону кого-то из людей, дежуривших в тот вечер. И этим кем-то оказалась женщина и не просто женщина, а женщина-корабль. Так я тогда про нее подумала.

Она ворвалась в комнату к старику охраннику с какой-то непонятной и неизвестно откуда взявшейся живостью и, заняв собой половину всего пространства, стала внимательно нас осматривать. На это у нее ушло пару минут, после чего она поправила прическу, одернула слегка помявшуюся блузку и, впившись сверкающими глазами в глаза полицейского «постарше» с улыбкой спросила:

– Так это вы? А я-то глупая, иду и думаю, кому это я понадобилась в столь поздний час? А это вы, Михаил!

– Здравствуйте, Мариночка, – устало поприветствовал ее Михаил. – Нам бы по-быстрому девочку оформить, а то, сами знаете, к этому часу даже самый выносливый страж порядка уже еле-еле передвигается. Ну, так как?

Мариночка кокетливо похлопала длинными наращенными ресницами и, улыбнувшись еще шире, сказала мягким голосом:

– Для вас, Михаил, все что угодно. Пойдемте ко мне в кабинет.

И вот мы пошли по длинному коридору за Мариночкой, которую нельзя было потерять из виду, даже если бы очень захотелось, но тогда я думала не о ней. Я думала о коридоре с его тусклым освещением и наполовину выкрашенными стенами, которые тянулись и тянулись с двух сторон, и казалось,

что им нет конца. Эти коридоры в государственных учреждениях ночами слегка напоминают дорогу в ад. По ней-то я и шагала.

Мариночка, а для меня с того дня Марина Павловна, провела нас в свой кабинет средних размеров, который был заставлен старой мебелью и пропитан запахом очень напоминающий запах горя. Мне сразу все это не понравилось – ни женщина, ни ее кабинет.

Михаил дал обо мне короткие сведения – мои имя и фамилию, а так же адрес, с которого меня забрали.

– Да милочка, с такой фамилией тебе тут туго придется, – фыркнула Марина Павловна, стараясь подавить нарастающее чувство неприязни. – Михаил, мне бы чуть больше сведений, а то для анкеты этого совсем мало. А где, кстати, социальный работник, который должен был вас сопровождать?

Только сейчас мы втроем заметили, что Светочки с нами нет.

– Ей стало плохо, и мы оставили ее в машине, – ответил Михаил. – Да она больше нашего вам, Мариночка не расскажет. Она сегодня первый день, так что...

– Ясно, – процедила сквозь зубы Марина Павловна, которая не терпела подобного отношения к работе. – Ну, вы хоть документы ее из дома взяли? Одежду? Ну, что вы, Михаил, вроде не первый раз, а такие ошибки... На вас это совсем не похоже. Не влюбились ли вы случайно, а?

– Нет, Мариночка, но если бы я влюбился, то только в вас, – ответил полицейский и лукаво прищурился.

Между Мариной и Михаилом начался вынужденный флирт, которым руководила женщина, ведь это у нее что-то просили, и она пользовалась своим должностным положением на всю катушку. Тогда я еще не понимала, что происходило в том кабинете. Это я сейчас могу с уверенностью сказать, что нет почти ничего хуже, чем вынужденный флирт, так как чаще всего, человек с которым ты вынужден его вести тебе даже не импонирует. Вот и тогда Михаил улыбался, а думал лишь о том, как избавиться от этой прилипчивой дамы и спокойно поехать домой к своему обожаемому дивану.

– Ладно, с этим разберемся завтра, – уступчиво пропела Марина Павловна. – Ну, скажите хотя бы, сколько ей лет? Пять? Шесть?

– Мне сегодня исполнилось семь, – ответила я вместо полицейских, которые все равно не знали мой возраст. – Если сейчас еще третье сентября, то у меня до сих пор день рождения.

В кабинете воцарилось гробовое молчание. Взрослые люди стали переглядываться между собой, как бы высматривая друг у друга правильную манеру поведения, а я продолжала тихонечко сидеть на стульчике у стены и наблюдать за ними. Когда я заметила, что лицо полицейского, который был «помоложе» как-то странно побледнело и слегка осунулось, я пришла к выводу, что ему стало за меня еще больше, чем

раньше. Он был готов броситься бежать из этого нагонявшего тоску кабинета и больше никогда здесь не показываться, но вместо этого он пересилил себя и подошел ко мне вплотную. Сначала я испугалась и почему-то подумала, что он делает мне что-то плохое, но он снял с себя длинный и довольно дорогой черный кашемировый шарф, подарок его молодой жены, и намотал мне на шею.

– С днем рожденья тебя, Яна Вист, – сказал он дрожащим голосом. – Мы с напарником желаем тебе только всего хорошего и чтобы все твои мечты обязательно сбылись. Все до одной.

– Молодец, Антоша, – поддержал его Михаил. – Мы с Мариной Павловной тоже поздравляем тебя с праздником и т.д. и т.п. Короче, живи и радуйся.

Вот так прошло мое семилетие и в тот день только один человек, совершенно посторонний мне человек – Антон, искренне поздравил меня с этим праздником, да еще подарил подарок, который я храню, по сей день.

После коротких поздравлений, было такое же быстрое прощание с полицейскими, которые не пожелали остаться подольше, каждый по своим причинам, а потом я осталась наедине с Мариной Павловной. Она тоже не хотела оставаться в моем обществе дольше, чем требовалось, поэтому приказала мне следовать за ней и повела меня по очередному унылому коридору. Наспех определив меня в комнату, номер семнадцать она указала мне пальцем на одну пустующую

кровать из трех, а потом, круто развернувшись на своих высоких каблучках и вышла из комнаты. Она ничего не сказала, ничего не объяснила, да она и не смотрела на меня вовсе. Марина Павловна не хотела со мной церемониться. Она хотела к себе в кабинет, на свой старенький диван. Она мечтала комфортабельно устроиться на ночлег, укрыться шерстяным пледом, который сумела приобрести на распродаже и предаться смелым мечтам о Михаиле. Я ее не виню. Когда женщине за сорок и она одинока – это проблема. Особенно для той женщины, которая всегда хотела себе в мужа не просто мужчину, а настоящего героя. Не сумев воплотить свою мечту в реальность, Марина Павловна стала проживать свою лучшую жизнь во сне. Как я узнала, потом, став старше – так делают многие, независимо от возраста и пола.

Но, не будем уходить далеко, и обсуждать всех людей в округе, а сосредоточимся на мне. С того момента, как я вошла в тот детский дом, а потом переступила порог комнаты номер семнадцать – у меня началась новая жизнь. Хотя я о ней и не просила.

В комнате, в которой я оказалась, было темно, и рассмотреть что-либо не представлялось никакой возможности. Шторы были плотно задернуты, ночника не было и дверь не разрешалось открывать до самого утра. Все что я смогла разглядеть сквозь густой и тревожный мрак, так это две спящие фигуры на стоящих напротив друг друга кроватях. Они стояли у окна, а моя одинокая постель находилась прямо возле

двери и мне это тоже не понравилось. Но, выбирать здесь не давали, поэтому мне сразу пришлось привыкать к тому, что надо благодарить за то, что получаешь – так будет лучше для всех.

Сев на кровать я почувствовала, как сильно устала. Я быстро разделась и нырнула под одеяло, но уснуть, сразу не получилось. Я лежала неподвижно и боялась наступления утра, а еще я с тревогой поглядывала на спящих девочек и размышляла, что будет, если я им не понравлюсь. Если коротко и не вдаваясь в подробности, то я переживала о том, о чем переживают все семилетки, оказавшись в таком положении, как я.

Утро не заставило себя ждать. Я проснулась под смешки новых соседок, которые оказались старше меня на два года, им обоим было по девять лет и, я не сразу смогла сориентироваться на местности. Я лишь мельком бросила на них слегка испуганный взгляд и снова закрыла глаза. Они захотали еще громче.

Не знаю, чтобы было дальше, если бы в комнату не вошла женщина, очень худая и слишком высокая, в очках, которые все время скатывались на кончик ее носа и с длинной деревянной линейкой в правой руке. Прямо, Мэри Поппинс! Это сарказм. Она была в длинном темно синем платье, от которого веяло холодом и неприязнью к окружающей атмосфере.

– Вставайте, дрянные девчонки! – гаркнула она, как подбитая ворона. – Мне уже надоело ходить и проверять вас. Вы

одни из самых нерасторопных детей в этом доме. А это еще кто?

Она уставилась на меня, как на киоск с лимонадом посреди пустыни. Я смотрела на нее, а она на меня. Время шло.

– Ты кто такая? Как ты сюда попала? – не унималась «ворона». – Тебя привезли ночью?

– Да, – еле слышно ответила я.

– Ясно, – сказала она. – Одевайся и пошли со мной.

Мне было жутко неловко одеваться на глазах у двух незнакомых девочек, а им похоже было все равно. Было понятно, что они ко всему этому давно привыкли, а мне еще предстояло это сделать.

Пока я кое-как семенила за своей новой взрослой знакомой, которую, как я потом узнала, звали Анна Владимировна, она бегло рассказывала мне о правилах нового дома и о том, что здесь лучше быть послушным ребенком и не доставлять никому проблем. От ее взгляда, который она периодически бросала на меня, мне становилось жалко саму себя и я волей-неволей, старалась упросить себя не плакать. И у меня видимо получилось, но не совсем то, что я хотела, потому что очнулась я уже в столовой, с поцарапанной щекой, мило болтая с какими-то тремя девочками.

– После обеда у нас уроки, а потом свободное время, – без умолку говорила одна из них. – Мы можем придумать что-нибудь интересное или сбегать, подразнить малолеток. Ты с нами? Знаешь, на вид ты такая тихоня, а на самом деле явно

не из робкого десятка!

Я не хотела никого дразнить! Я вообще не хотела там находиться! Я хотела домой, где мне все ясно и понятно! А тут все было по-другому – цвет, запах, люди, да все! Дети здесь были такие же несчастные, как и взрослые и оттого все они злились друг на друга. Когда я стала озираться вокруг, то обратила внимание на поведение других детей, всех возрастов. Те, кто был ближе всего к моему возрасту, приняли меня в штыки и всем своим видом дали мне это понять. Они смотрели на меня так, как будто я без разрешения вторглась на их территорию и должна за это ответить. Какой вздор!

Когда я очнулась в следующий раз, то была уже в другой комнате с потрескавшимся потолком, бледно желтыми обоями в мелкий чудной цветочек и ковром на полу, который пережил многих вождей нашей страны. Напротив меня сидела София, подруга моей матери и спрашивала меня о чем-то. Она была взволнована, да так, что по ее лицу пробежали мелкие судороги. София смотрела на меня. Смотрела не отрываясь. Мне так и не удалось понять, что она пыталась тогда во мне разглядеть, а спрашивать не хотелось.

– Ну, чего ты замолчала? – услышала я вопрос Софии. – И что дальше было? Ты смогла с ними подружиться или пока только подралась? Знаешь, по моему опыту, могу с уверенностью сказать, что иногда именно так начинается крепкая дружба. Возможно, у тебя тот самый случай.

Но, она была совсем не уверена в том, что говорила, и

это было заметно. По поведению людей можно многое понять, если смотреть внимательно, а еще лучше, если смотреть пристально. Я наблюдала пристально, как кобра за добычей, может, поэтому София встала со стула и начала беспокойно ходить из угла в угол. Она пыталась скрыть от меня свое волнение и стыд, которое испытывала, потому что была вынуждена оставить меня там. Она не могла мне помочь. У нее и без меня была куча проблем, о которых я тогда даже не догадывалась.

– Я тут привезла тебе твои вещи и кое-какие книжки и игрушки, – сказала она, продолжая ходить туда-сюда. – Я, правда, без понятия, какие тебе нравятся, поэтому выбрала на свой вкус. Ничего?

– Ничего, – ответила я. – Мне этого хватит.

Я хорошо помню, что после моего ответа, София остановилась, и из ее глаз хлынули слезы. Она судорожно начала размазывать их руками по лицу, чтобы я не заметила, но я заметила и, решив подбодрить мамину подругу, я подошла и заключила ее в свои объятия. Конечно, я сделала только хуже, но откуда я могла это знать!

Через пару секунд она отстранила меня и, пообещав навещать, как можно чаще, пулей вылетела из комнаты, продолжая вытирать ручьем текущие слезы. Хотелось бы отметить, что она сдержала свое обещание. Она приходила ко мне настолько часто, насколько могла себе позволить, а ведь она работала в полиции, тогда еще в милиции, и имела на руках

непутевую младшую сестру, которая была почти неуправляемая.

Кстати, в начале своего рассказа я назвала двух мужчин, которые забрали меня из родного дома, полицейскими, но это не верно. Тогда они еще были милиционерами, потому что закон о переименовании милиции в полицию в России был принят в 2011 году. Ну, это я так, для пущей ясности. Зато теперь вам стало понятно, что родилась я в 2001 году и надеюсь не зря.

К детскому дому я все же со временем привыкла. К его шумным и беспокойным дням и одиноким, пустым ночам. К людям, большинству из которых на тебя плевать, но это везде так, не только в подобных заведениях. К четкому распорядку дня привыкнуть было сложнее, ведь свой последний год дома я жила, как хотела. Там мне никто не диктовал, что и когда делать, поэтому я спала, когда хотела и сколько хотела, ела – как придется, мылась, когда начинала чесаться голова, ну и все в таком роде. Вот такая у меня была страшная свобода, которую мне заменили на практически не страшную тюрьму.

Опять же, не хочу, чтобы вы подумали, что тот детский дом был каким-то пристанищем дьявола, нет. Конечно, все было не так мило и изящно, как хотелось бы, но вполне терпимо. Особенно, если по прибытию в такое место у тебя уже есть характер.

У меня характера не было, он появился гораздо позже, за-

то было спутанное сознание, которое и помогло мне выжить. Я часто отключалась перед какими-нибудь вещами, которых боялась, а очнувшись, понимала, что уже все прошло и волноваться не нужно. Мне это очень нравилось. Таким образом, я осталась без воспоминаний о прививках, уколах во время болезней, о контрольных и самостоятельных работах в школе, о частых драках и бесконечных серьезных наказаниях. Ну, кто бы ни хотел так жить? А еще это приятное чувство – чувство, что ты особенная, что ты не как все, а эти простак, что целыми днями ходят с тобой по одним коридорам, даже не догадываются о твоей супер силе. Ах! Но, это все детство.

Когда мне исполнилось пятнадцать лет, я всерьез занялась изучением своего «внутреннего мира и его обитателей». Я прочитала столько книг по психологии и психиатрии, сколько смогла найти. Разумеется, в нашей библиотеке таких книг не было, а вот в публичной библиотеке, недалеко от нашего детского дома, подобной литературы было хоть отбавляй. В этой библиотеке меня знали все работники, вплоть до уборщиц, а одна женщина, Антонина Сергеевна, просто боготворила меня за мою непоколебимую веру в пользу книг. Думаю – это забавляло нас обеих. Она частенько просила меня помочь рассортировать или убрать книги на их законные места, и я с радостью ей помогала. Библиотека, для меня, была вообще местом особенным. Честно говоря, я бы могла в ней жить.

На самом деле эта скромная, старенькая библиотека дала мне больше, чем я ей. Я ведь уже тогда планировала стать писателем, а там была куча всяких книг по писательскому мастерству, которые я читала взахлеб (из-за чего не редко надо мной смеялись в детском доме). Да плевать! У меня была мечта, ну она и сейчас есть, так что плевать мне на всех с высокой колокольни. Пускай перешептываются, сколько хотят. К тому же, всем людям все равно рты не закроешь, тем более, как сказал кто-то достаточно мудрый: «Больше всего людей интересует то, что их совершенно не касается». И это – чистая правда. Убедитесь с возрастом.

Так вот я не просто так рассказала вам о своей любви к библиотеке. Однажды, третьего сентября, как раз в день моего шестнадцатилетия, я не стала ждать милости от кого бы то ни было, и решила поздравить себя сама. Я, примерив на себя очень покорный вид, пошла в кабинет Марины Павловны и отпросилась у нее в библиотеку на весь день. И, о чудо! Она позволила. Ну, само собой не от большой любви и не, потому что у меня был праздник, а потому что я пообещала два дня подряд дежурить в столовой и не выделываться.

Вы бы поняли, что это равноценная сделка, если бы вам хоть раз удалось побывать на дежурстве в нашей столовой. Это хаос! Это перебранки и бесконечные жалобы. Ну и еще конечно ругань, и недовольство поварих, которые ни на секунду не перестают орать на нас изо всех углов кухни. В общем, атмосфера довольно напряженная и каждому противна

– но, от этого не уйти. Они терпят нас, а мы – их.

Вернувшись в детский дом около семи часов вечера, я с удивлением обнаружила небывалую суету в нашем большом холле. Там присутствовали директор и трое воспитателей, а все остальное помещение занимали дети старших групп. Мне сразу не приглянулась алармистская обстановка вокруг и я стала искать глазами Машку (единственную девчонку с которой более-менее нормально общалась), чтобы выяснить в чем дело.

Я смотрела по сторонам пробираясь через толпу, но все что я видела – это лица и большинство из которых были абсолютно отрешенными, что сбивало меня с толку. Глядя на такие лица, сроду не подумаешь, что случилось что-то страшное – но оно случилось.

– Ну и где тебя носит? – услышала я голос за спиной.

Голос принадлежал Маше.

– Что случилось? – спросила я, оттаскивая ее в угол. – Что за переполох? Я надеюсь это не по мою душу?

– Нет, – ответила Машка. – Тут такое дело! После вечерней прогулки одна девочка из младшей группы не вернулась в дом. Ну, эта, с родимым пятном на лице.... Да мы ее сто раз видели... Наташа Ковалева.... Ну, вспомнила?

– Что значит – не вернулась? А куда она могла деться с территории, которая огорожена двухметровым забором? – удивилась я. – Она же не могла оттолкнуться и взлететь! Что за ерунда!

– Вот именно, что ерунда! – присоединилась к моему возмущению Машка. – Нас сюда согнали явно не просто так. Скорее всего...

– Вист! – раздался звонкий голос Анны Владимировны, которая все эти годы звала меня исключительно по фамилии. – Вист! Может, ты прекратишь свою болтовню и слушаешь нас.

Тут все внимание мгновенно перешло на мою скромную персону.

– Я слушаю, – отозвалась я, стараясь не встретиться глазами с нашей «вороной».

– Мы тут, если ты не заметила, не на праздник собрались, – прикрикнула Анна Владимировна. – Пропала девочка!

– Я тут не причем, – зачем-то сказала я. – У меня алиби.

– Вист! Прекрати паясничать!

– Извините, – выдавила я и плотнее прижалась к стенке.

Я была не из пугливых, да я и сейчас не из этой категории, но тогда, по выражению лица Анна Владимировны, я поняла что дело – дрянь. По-настоящему – дрянь!

– Теперь вы разделитесь на группы по три-четыре человека, и пока в конец не стемнело, обойдете вверенную вам территорию, – давала указания Анна Владимировна, сжимая и теребя в руках бумажную салфетку, от которой уже практически ничего не осталось. – И прошу вас не забывать, что вас отправили не гулять и развлекаться, а выполнить опре-

деленную работу. Вам ясно? Учтите, что за любую провинность вы моментально будете наказаны... Вы должны...

Она не могла больше говорить своим ледяным голосом, поэтому за нее продолжила Марина Павловна, которая была заместителем директора нашего скромного заведения.

– Анна Владимировна хотела сказать, что вы должны отнестись к этому серьезно и не наделать глупостей. От вас требуется по взрослому отнестись к ситуации и помочь нам найти девочку.... Весь район уже обыскивает полиция, но мы решили задействовать и свои силы, так что – вперед.

Машка схватила меня под руку и потащила к выходу.

– Давай быстрее, – шептала она. – Вдруг нам удастся отыскать ее первыми, и тогда мы с тобой станем героинями этого Богом забытого места. Шевелись!

– О каком на хрен геройстве ты говоришь! – разозлилась я на ее дурацкую речь. – Ребенок пропал, а ты...

– А я просто предлагаю пошевелить попой и попытаться найти этого ребенка, как можно быстрее, – перебила Маша, продолжая выталкивать меня за двери детского дома. – Поэтому и говорю – шевелись!

Мы с Машкой ходили два часа, но плодов это не принесло. Весьма ожидаемо.

– Надо идти на заброшенную стройку, – заключила Мария.

– В десятом часу вечера? – спросила я, сжимаясь от холода. – Ты не забыла, что нам велено вернуться к одиннадцати

часам?

– У нас еще есть время, – недовольно пропела Машка. – Не будь трусихой! Ты же знаешь, что все самое страшное происходит на заброшенных стройках!

– Все самое страшное происходит у нас под боком, – сказала я. – Иногда, прямо за стенкой.

– Ты невозможный человек! – сказала Машка. – От тебя так и веет пессимизмом, что в твои юные годы практически недопустимо.

– Ладно, умолкни, – сказала я. – Мы пойдем на стройку, но только очень осторожно и ...

– Да-да! – мелодично произнесла Машка. – Пошли уже!

Ну, как вы уже наверняка догадались – мы пошли! И это не было лучшей из наших идей, а точнее из Машкиных. Стемнело быстро. Погода испортилась, и пошел проливной дождь. Почему-то автоматически стало страшнее.

– Нам пора возвращаться, – сказала Машка. – Жаль, что мы не смогли найти девчонку.

– Возможно, другим повезло больше, чем нам, – пробормотала я, сама не веря в то, что говорю. – Оставим пол процента на чудо.

Вполне естественно, что никто никого не нашел и в нашем доме наступили беспокойные времена. Все воспитатели ходили хмурые, и к ним нельзя было даже подступиться. Отовсюду были слышны теории о похищении Наташи Ковалевой, но большинство склонялось к тому, что девочка про-

сто сбежала. К сожалению, никому из нас так и не удалось узнать правду.

Со временем напряжение в детском доме стало спадать, пока в конце не исчезло и все забыли про шестилетнюю девочку по имени Наташа Ковалева. Такова жизнь и с ней не поспоришь. Звучит, конечно, мерзко, я согласна, но не я это выдумала, так что и спрос не с меня.

В общем, дни наши полетели один за другим, и настал тот, в который нам пришлось проститься с Машкой. Она была почти на семь месяцев старше меня, так что восемнадцать ей исполнилось раньше, и она была вынуждена покинуть «родные стены» и выйти во взрослую жизнь.

Знаете, жить в детском доме безумно страшно, но выходить из него, в мир, где тебе никто не рад, еще страшнее и Машка это чувствовала, просто старалась не показывать.

– Я как устроюсь, сразу тебе позвоню, – говорила она, складывая в спортивную сумку свои немногочисленные пожитки. – Мне дали квартиру в неплохом районе, так что я сейчас дам тебе адрес, а ты, как только выйдешь отсюда, сразу прибегай в гости. Ну, чего ты такая мрачная? Со мной все будет в порядке! Ты же меня знаешь!

– Знаю, потому и даю наставления, – пробормотала я. – Ты же сама непосредственность и беспечность. Ты всегда сначала делаешь, а потом думаешь, как пятилетний ребенок.

– Не надо так со мной, – улыбнувшись, ответила Машка. – Я научусь жить как ты, опережая время и события.

Она звонко засмеялась, а я выдавила из себя улыбку, только чтобы наше прощание не было слишком печальным. Потом я проводила ее к кабинету директора, где ей в скромной торжественной обстановке вручили ключи от однокомнатной квартиры и вместе с ними договор социального найма, по которому она в течение пяти лет не имела права продать или обменять эту квартиру и мы пошли на улицу – прощаться окончательно.

Не думайте, что мы больше не виделись – видимся до сих пор, но уже без прежней привязанности. Она вышла из детского дома раньше и раньше успела обзавестись новыми друзьями и привычками, а я не большой поклонник всего нового и мне это не особо удалось. Но, об этом я расскажу чуть позже.

Когда настал мой день покидать детский дом с пафосным названием «Гармония», я испытывала такое количество эмоций, что так и не поняла, что чувствовала. Я в одиночестве собирала свою сумку и, зная о том, что будет дальше, почему-то не хотела этого. Но, выбора у меня снова не было, и в голове я услышала уже знакомую фразу: «Теперь ты должна быть смелой, сильной и решительной. Теперь у тебя есть только ты». Вот только в этот раз я знала от кого слышу эти слова, и мне стало спокойнее.

Я, так же как и Машка, получила свои ключи от однокомнатной квартиры, которая находилась в знакомом мне районе, и который к слову был довольно приличный и, заслу-

шав пожелания со стороны руководства детского дома, я отправилась в долгое и смешное путешествие под названием – жизнь.

Глава 2

Ну вот, когда с основными воспоминаниями покончено, самое время перейти к моему прошлому, а главное, первому самостоятельному году жизни. Сразу предупреждаю – это не было безоблачно и романтично. Это была борьба.

Выйдя за ограду детского дома, я увидела Софию, которая терпеливо ждала меня в своей машине. Она устало помахала мне, а потом подозвала взмахом руки, в которой держала длинную сигарету. По ее внешнему виду можно было сразу определить, что спала она мало и основным рационом питания у нее были сигареты и кофе (ох уж эти взрослые люди со своими дурными привычками). Она разрывалась между всеми и всем – работой, мужчиной и незамужней, безголовой младшей сестрой Кристиной, которая к моменту моего выхода из детдома уже имела двоих детей, за которыми не особо любила присматривать. Я еще не имела чести быть с ними знакома, но из рассказов Софии я знала, что этими детьми были девочка Анна семи лет и мальчик Константин шести лет. Вот и все. Так же София часто говорила о том, что проработав столько времени в полиции, она редко встречала более непутевую мать, чем ее сестра. Мне это все было

не интересно, но Софии иногда нужны были уши и мои, по всей видимости, хорошо подходили.

София до сих пор жила одна. Мне почему-то казалось, когда я была младше, что она обязательно выйдет замуж за того красивого мужчину, Максима, с которым изредка приезжала навещать меня в детский дом. Но она не оправдала моих ожиданий. Они просто встречались и их это устраивало. Я так думаю. Хотя сразу хочу внести ясность – сейчас мне абсолютно все равно. Сейчас я уже большая девочка и поступки других людей меня интересуют меньше всего.

– Запрыгивай! – крикнула мне София, у которой как всегда не было на меня много времени. – Я отвезу тебя в твой новый дом и заодно проверю там все, чтобы по сто раз не ездить. Ты кстати спросила про мебель? Там хоть какая-нибудь мебель есть?

– Не знаю, – коротко ответила я.

– Нужно было спросить, – пробормотала она, стараясь не испортить нашу встречу сразу. – Скорее всего, квартира пустая, но мы что-нибудь придумаем, а сегодня ты переночуешь у меня.

– Я поеду к Машке, – сказала я.

– Нет, не поедешь! – повысила голос София. – К твоей Машке уже дважды полиция приезжала. И не спрашивай меня, откуда я это знаю. Будешь жить у меня, пока мы не приведем в порядок твою квартиру. Я должна помочь тебе всем, чем смогу. В память о твоей матери...

– Не начинай, – отрезала я и залезла в машину.

После такого короткого разговора, настроение испортилось у нас обеих. Я терпеть не могла, когда София начинала вспоминать мою мать таким жалобным голосом, что мне хотелось удавиться. А уж когда она переходила на моего отца, а она всегда это делала сразу после тоскливых рассуждений о маме, то тут ее красноречию можно было только позавидовать. София ненавидела моего отца. Она ругала его за маму, хотя в ее аварии он был абсолютно не виноват, ругала за меня – что устроил мне такую жизнь, а потом еще и умудрился бросить меня на произвол судьбы. Как будто он прям, так и планировал! Как будто он место своей смерти сам для себя выбрал! Какая чушь! По-видимому, ей просто было, за что его ненавидеть, но истинную причину этой самой ненависти, она от меня скрывала. Вот такие у меня были подозрения.

Когда мы под звуки какой-то веселой радиостанции подъехали к моему очередному новому дому, я вышла из машины первой и, не оглядываясь, пошла к подъезду, где находилась моя квартира. София меня не останавливала. Она понимала, что дальше у нас разговор не получится и что я буду либо отстраненно кивать, либо молчать.

На дворе стоял сентябрь, но погода нас радовала. Ну, хоть она! На улице было солнечно и очень красиво, как обычно бывает в погожий осенний денек. Я посчитала это хорошим знаком.

И вот мы поднялись на четвертый этаж, и я вставила ключ

в дверь квартиры номер тринадцать (не волнуйтесь – тринадцать для меня вполне хорошее число, не хуже и не лучше остальных). Войдя в квартиру, я сразу испытала теплые чувства к этим стенам. Конечно, там не было никакой мебели и хрустальных ручек в дверях, но там было то, что гораздо важнее – атмосфера покоя.

– Так я и думала! Ни мебели, ни штор, да хоть бы один стул привезли! – возмущалась София, осматривая квартиру. – Так, ванна вроде чистая, плита рабочая, а вот холодильника нет, но эту проблему мы тоже решим.

– Ага, – ответила я, продолжая смотреть в окно из своей комнаты.

– Что значит – ага! – спросила София не очень дружелюбным тоном. – Тебе самой-то нравится или нет? Эй! Ты меня слушаешь? Когда заселяешься куда-то надо не в окно смотреть, а проверять все ли рабочее, топят ли батареи, не бегают ли повсюду тараканы и тому подобное.

– Спасибо за совет, – сказала я. – Так ты уже все проверила?

– Я-то, да! – ответила София, встав передо мной и уперев руки в бока. – Так тебе здесь нравится или нет?

– Нравиться, – ответила я. – Только вот обои тут кошмарные. Они мне детский дом напоминают.... Такой же уродский мелкий цветочек и...

– Значит надо новые обои, – сказала София и только тут я заметила, что она все записывает в маленький блокнотик. –

Еще что нужно?

Я посмотрела на нее удивленным взглядом и подумала, зачем она это делает?

– Ты мне ничего не должна, – сказала я. – Я сама все сделаю. Сама могу о себе позаботиться. Я уже не маленькая и могу сама купить обои и прочую ерунду.

– Знаешь, ты была довольно милым ребенком, а потом, лет в десять, я стала замечать за тобой какое-то странное поведение, – начала София очередную душещипательную беседу. – Ты стала холодной. Когда я навещала тебя в детском доме, ты относилась ко мне снисходительно, так как будто это ты приходила ко мне, а не наоборот. Я не говорю о том, что я делала тебе одолжения своими приходами, а ты этого не ценила. Нет. О, Боже, нет! Просто ты стала странной девочкой, которая не подпускает к себе никого и... Но в то же время ты, по всем параметрам, вполне полноценный ребенок...

– О, Господи, – сказала я. – Ты это серьезно? Вот именно из-за таких речей со стороны окружающих я и предпочитаю быть одна. Мне не важно, кем ты меня считала или считаешь, так что расслабься и прекрати надо мной кудахтать.

– Я ведь хочу как лучше! – крикнула София. – Почему ты не умеешь нормально принимать помощь?

– Давай будем считать, что ты не задавала мне этот вопрос, – сказала я, а про себя подумала, что это самый нелепый вопрос, который взрослый человек может задать ребен-

ку, выросшему в детском доме. – Если ты уже все здесь осмотрела и не нашла огромных минусов, значит квартирка вполне подходящая. Теперь мы можем идти.

– Идем, – спокойно сказала София и направилась к двери.

У машины у нас снова случился диалог. И снова он не был приятен ни мне, ни ей.

– Сейчас мы поедем ко мне, – начала она. – Я позвоню Максиму, скажу, чтобы он взял машину у своего знакомого, и мы втроем поедем ко мне на дачу. У меня там полно всякой мебели. Она конечно старенькая, но еще вполне жизнеспособная.

– Давай завтра, – ответила я. – Я обещала заехать к Машке. Она меня ждет и мне бы не хотелось...

– Я не повезу тебя ни к какой Машке, – заявила София. – К тому же у меня всего один выходной и он к твоему сведению именно сегодня. А знаешь, почему он сегодня? Потому что мне с невообразимым трудом удалось его выпросить у начальства! А знаешь, зачем я просила именно этот день? Потому что хотела по-человечески встретить тебя и помочь тебе устроиться! Зачем ты все портишь?

Вы заметили, как трудно отвечать на подобные вопросы? Особенно когда человек, задающий их, ждет что ты, мгновенно поймешь его и встанешь на его сторону, полностью раскаявшись во всем. Этого наверно и ждала София.

Если честно – мне не хотелось с ней ехать. К тому моменту, когда она только рассказывала мне свой план на се-

годняшний день, я уже тогда с трудом могла ее выносить, а провести с ней еще кучу времени – это было, прямо сказать, невысказано. Я уже настроилась вежливо отказаться, но неожиданно остановилась. Мой «внутренний мир» взбунтовался, и мнения в нем разделились.

– Хватит валять дурака! Садись в машину!

– Даже не вздумай! Лучше побыстрее избавься от этой прилипчивой стервы и езжай к Машке.

– Вы бы не могли перестать спорить? Давайте все обсудим и вместе примем правильное решение.

– Яна! Ну, где ты опять летаешь? – громко спросила София. Она стояла напротив меня, засунув руки в карманы короткой кожаной куртки, и смотрела мне прямо в глаза. – Вот об этом я и говорила! Ты как будто куда-то проваливаешься, а когда приходишь в себя.... Эй! Ты со мной? Яна!

Я очнулась и уставилась на нее своими блестящими глазами.

– Если я тебе не отвечаю, это еще не значит, что я тебя не слышу, – ответила я. – Я подумала и решила, что ты права и в данный момент мне важнее обставить свою квартиру, чем просидеть до ночи у Машки, выслушивая истории о ее великолепных трудовых буднях.

София застыла от удивления. Она стала приглядываться ко мне, да так рьяно, как будто хотела увидеть что-то внутри меня.

– Меня чуть-чуть пугает твой взгляд, – произнесла я. –

Послушай, милая, если уж мы определились с нашими планами, то давай уже начнем воплощать их в жизнь.

– Хорошо, – задумчиво сказала София. – Поехали.

Дальше все пошло как по нотам (София не любила отступать от намеченного плана). Мы приехали к ней, в ее обыкновенную двухкомнатную квартиру с хорошим ремонтом и со вкусом подобранной мебелью и стали ждать Максима. Я раньше никогда не была у нее в гостях, поэтому сейчас была слегка удивлена, так как представляла ее жилище по-другому.

София быстро собрала на стол поесть: кофе, бутерброды с колбасой и сыром и печенье.

– Прости, что обед такой скромный, но готовить сейчас все равно нет смысла, – сказала София. – Макс вот-вот подъедет.

– Не суетись, – ответила я. – Я этим вполне могу наесться.

Максим подъехал через двадцать минут, и мы отправились к Софии на дачу, где я тоже ни разу не была. Дорога была не близкая и чтобы занять себя я стала украдкой разглядывать мужчину Софии. Нет, я на него не претендовала. Мне просто было скучно и хотелось чем-то себя занять и желательно, чтобы это были не задушевные разговоры. Я начала собирать информацию: Максим Давыдов – мужчина сорока четырех лет (Софии, кстати, был сорок один год, а ее безумной сестре Кристине – тридцать лет – это для справки), темные волосы, высокий, спортивный, симпатичный трудо-

голик. По дороге они обсуждали какое-то дело по работе и не впутывали меня в свою беседу, но по их общению я поняла, что у них очень доверительные отношения и они по-настоящему привязаны друг к другу. В наше время такие отношения – большая редкость.

Когда мы, наконец, добрались до дачи, я испытала неловкость. Мне было неудобно оттого, что я приехала что-то у кого-то взять просто так. Я этого не хотела. В голове снова начался бардак.

– Милая, ты можешь пока запереть свою гордость и просто покивать? Нам нужна эта мебель!

– Черт, да не психуй ты так! Мы же не навсегда берем у нее эти вещи. Сразу как заработаем себе на новую мебель, то отдадим ей эту. Ну, если хочешь, приплатим ей сверху, чтобы порадовать.

– Они правы, Ян. Если бы можно было по-другому, мы бы давно тебе подсказали.

Потом тишина.

Все это время София не обращала на меня внимания, а вот Макс смотрел. Ему, как и многим другим, всегда было любопытно, куда это я «пропадаю» посреди разговора.

– Ян, ты как? – спросил он. – Не стой там без дела. Иди, помоги Софии.

Дальше наступил момент выбора мебели. София не обманула, сказав, что ее здесь полно. Столы и маленькие столики; три комода; несколько диванов, кресел и стульев; кухонные

шкафы; два шкафа для одежды; море зеркал, развешенных по всем комнатам, в общем, все то, что годами свозили сюда, как на кладбище.

– Вот из всего этого нам нужно выбрать самое лучшее и самое надежное, – объяснила София. – Там в сарае есть еще вещи. Ну, ковры всякие, посуда... Ах, да! На втором этаже куча подушек и одеял любого размера. Ладно, давай начнем с мебели, а там уже будем по ходу додумывать.

Я кивнула. И ушла со «сцены».

– Так, милая София, давай посмотрим, что мне нужно, – сказала я. – Диван! И желательно тот, который раскладывается. Какой тут самые крепкий?

София ухмыльнулась.

– Тебе подойдет вот этот, – ответила она, указав пальцем на темно серый диванчик. – Он вполне себе ничего.

– Хорошо, – отозвалась я. – А к нему, случайно нет одного или двух кресел?

– Есть, но они в сарае. Сейчас Макс вернется, и мы начнем грузить сначала диван, потом кресла. Так теперь выбери стол и стулья на кухню, а я пойду пока отопру сарай.

Максим вернулся с каким-то мужчиной, им оказался сосед по даче и они приступили к погрузке. Я выбрала небольшой столик на кухню, слегка пошарканный, но из настоящего дерева. К нему я взяла два стула, тоже из дерева, но с другой резьбой. Аккуратный комод, который был очень оригинальным. Он был покрашен белой краской, а на его ящиках

красовались бабочки из разных страз и цветных камушков. Потом София провела меня на второй этаж, где я нашла себе письменный стол (он выглядел, как новый), подушки и одеяло. Потом мы пошли в сарай, где София нашла для меня симпатичный коврик в комнату. Посуды там оказалось столько, что хватило бы для четырех квартир, и я выбрала для себя все самое красивое. Еще мы собрали кое-что по мелочи: тазик, старенький пылесос и такой же немолодой холодильник, две лампы – одна настольная, другая напольная и т.д.

Не буду утомлять вас пересказом о том, как мы грузили, ехали, приехали и выгрузились. Как потом расставляли все по местам, и как я мужественно руководила этим процессом. Это не самое интересное. Самое интересное было потом.

– Ну, вот теперь это уже похоже на дом, – сказала София. – Еще нужны шторы и пару мелочей для уюта.

– Мне нравится, – сказала я. – Разумеется, не все, так как я хочу, но на первое время вполне сгодится. Спасибо, милая София.

София посмотрела на меня с не доверительным прищуром.

– Как у тебя это выходит? – спросила она.

– Что именно? – ответила я вопросом на вопрос.

– Так менять свое отношение ко мне.

– Это все гормоны, – ухмыляясь, ответила я. – Не бери в голову, милая моя София. Я просто еще один подросток с

дурной головой и большими амбициями.

Максим стоял в проходе и внимательно наблюдал за происходящим. Он знал о том, что я бываю «разной», София ему обо мне рассказывала. Пробыв со мной весь день, теперь и он стал это замечать. Но не, потому что Максим Давыдов был таким внимательным, а потому что изначально знал, что ко мне надо присмотреться. А знаете почему? Перед тем как София поехала за мной в детский дом, она проговорила со своим мужчиной некоторые детали и попросила его приглядеться к моему поведению, чтобы развеять ее страхи и сомнения. Вот поэтому он и стоял в проходе и пялился на меня, как филин на мышку-полевку.

В моей голове послышалось недовольство.

– Скажи ему, чтобы он прекратил сверлить нас взглядом. Он думает, я не замечаю этого.

– К черту! Лучше меня выпустите и я ему быстро, на пальцах объясню, что так делать не следует.

– Девочки, давайте для начала успокоимся. По-моему у нас у всех просто переломный период. Нам надо остаться одним и все хорошенько обсудить. Сейчас Бриллиант доиграет свою роль, выпроводит гостей, и мы сможем обо всем этом поговорить.

Через несколько минут Бриллиант (это, то же самое, что я), выпроводила гостей в самой любезной форме, и мы наконец-то остались одни.

Думаю, теперь самое время представить вам всех «обита-

телей» моего внутреннего мира. И так, раз уж мы заговорили о Бриллиант, то с нее и начнем.

1.Бриллиант.

Основная черта – коммуникабельность, умение нравиться людям.

Она настоящая девочка. Рыжеволосая. Любит наряжаться, краситься и ходить по магазинам. Обожает внимание и способна подружиться с кем угодно. Любит деньги и всегда знает, как их добыть. Это именно благодаря ее талантам я никогда не была «на мели». Любит праздники и веселье. Ненавидит насилие и грубость. Очень деятельна. Чутьочку истерична. Считает, что последнее слово всегда должно быть за ней.

2.Аза.

Основная черта – сила.

Она очень сильная – духовно и физически. Волосы черные. Увлекается спортом. Любит подраться. Она защищает нас всех. Слишком грубая, наглая и высокомерная. Всегда отказывается от помощи. Любит мужской гардероб и часто жалеет, что не родилась мужчиной. Любит хорошо поесть. Уважает сарказм и сильных личностей. Ненавидит праздники и особенно дни рождения. Атеистка.

3.Дакота.

Основная черта – ум.

Очень умная девочка. Блондинка. Быстро схватывает информацию и запоминает ее надолго. Говорит на двух языках

– английском и французском (выучила сама). Учит испанский. Скромная, тихая, застенчивая. Слишком восприимчива и слишком ранима для своего возраста. Консервативна. Стеснительна в отношениях с мужским полом. Практически безынициативна. Без амбиций. Любит книги. Не любит общение с людьми. Разбирается в компьютерах и еще во многом. У нее нет особых предпочтений ни в чем. Всегда считает, что чем проще, тем правильнее.

Вот эти девочки «живут» в моей голове и неразлучно связаны со мной. Только они помогали мне выжить в том суровом мире, в котором я оказалась не по доброй воле и я им за это благодарна. Если вы достаточно умны и сообразительны, то вы уже поняли что у меня, как это обзывают в медицине – синдром диссоциативного расстройства.

Но, мой случай, по медицинским меркам, совсем уникальный (я узнала это из книг, потому что там такого не встречалось). Я не страдаю потерей памяти, когда одна из моих личностей занимает мое место. Я все вижу и слышу и даже подсказываю. В моей голове для нас для всех отведено очень красивое место, может даже слишком красивое – это большая, уютная комната с камином в английском стиле и так как в Англии камин является центром комнаты, то именно к нему обращена вся мебель. Мебель – два дивана и четыре кресла. Низкий деревянный стол между диванами. Лампы с красивыми темно-фиолетовыми абажурами. Обязательно, вдоль одной стены, полки с книгами. Два внуши-

тельных арочных окна. И еще всякие приятные вещицы, которые появлялись в зависимости от надобности (я могла создать их там, как «главная» личность). В общем – это и было нашим убежищем. Нашим храмом, куда мы категорически никого не пускали и благодаря этому – не состояли на учете в психушке (хотя меня и обследовали пару раз, но списали мои «отключки» на стресс и неудавшееся детство). Позже воспитатели и психолог, которому я была вверена, забыли про меня и мои проблемы, но не просто так, а потому что со временем я научилась ладить с «моими» девчонками и «мы» уже не выглядели нелепо в глазах окружающих меня людей. Вот как-то так. Теперь, когда я поведала вам о своей тайне, вернемся в мою квартиру, где пока не так комфортабельно, как хотелось бы. Но – это дело поправимое. Нужно только немного терпения, денег, вкуса и чувства юмора, чтобы легче было все это пережить.

– А кто это был настолько глуп, что выбрал такой комод? – спросила Аза. – Не напрягайтесь все. Это был риторический вопрос.

– Не порть все, Аза! – разволновалась Бриллиант. – Мы первый день в своем новом, а главное в собственном доме и должны радоваться! Давайте лучше устроим праздник!

– Формально, эта квартира еще не наша, – вставила Дакота. – Нашей она будет...

– Только ты не начинай! – взмолилась Бриллиант. – Яночка, тебе давно пора выгнать этих зануд и жить припеваючи

со своей лучшей подружкой – со мной!

– Хватит, девчонки, – сказала я. – Денек и так был не из легких. Я устала и есть хочется.

Я полезла в свою сумку, которая так и осталась лежать на подоконнике, ровно на том месте, где я оставила ее еще при первом визите. Нашупав на дне кошелек, я бережно извлекла его, чтобы посмотреть на какой ужин у нас хватает денег.

– Откуда тут куча не моих денег? – удивилась я. – У меня было только двенадцать тысяч рублей. Пособие, которое мы получили, а здесь еще двадцать. Откуда?

– На меня не думай. Это не моя заслуга, – ответила Бриллиант. – Я еще только осматриваюсь.

– Должно быть, София положила, – сказала Дакота. – Или Максим, с ее подсказки. Во всяком случае, мы больше никому не нужны. Пока.

– Какая меланхолия! – возмутилась Аза. – Мы никому не нужны! А кто нужен нам? Хватит ныть! Берем деньги и идем есть, а то у меня сейчас кишки слипнуться.

– Мне не очень хочется это говорить, но Аза права, – сказала Бриллиант. – Пойдемте есть. К тому же, судя по нашим сбережениям, мы можем себе позволить нормальный ужин.

– Правильно будет вернуть деньги, – сказала я. – Они не наши и мы не можем их тратить.

– Мы все вернем, но давай сделаем это, как только чуть-чуть подзаработаем, – сказала Бриллиант. – Мы никогда не жили за чужой счет, ну, если конечно не считать наши пер-

вые годы в детском доме. Да мы с тринадцати лет уже зарабатывали деньги, то на мойке машин, то в библиотеке, то еще где-нибудь, да еще и делились с Машкой. Если уж мы смогли не бедствовать там, то уж точно сможем не бедствовать здесь! Если вы не заметили, то здесь довольно обширное поле деятельности, а если учесть, что мы уже стали взрослыми, то и работу найти будет гораздо проще. Я тут...

– Началось! – вырвалось у Азы. – Мы есть-то, пойдем? Или, прям сию минуту начнем обсуждать нашу дальнейшую жизнь?

– Я просто хотела поделиться некоторыми идеями, – обиделась Бриллиант.

– А за поглощением пищи, ты этого сделать не сможешь? – огрызнулась Аза.

– Ты же знаешь, что мы не можем общаться в общественных местах, – ответила Бриллиант. – Или ты хочешь, чтобы нам прям там вызвали санитаров?

Никто этого не хотел. Особенно после того, как Аза полюбила фильмы ужасов и иногда среди них попадались фильмы про психиатрические больницы.

– Возьмем еду на вынос, – подытожила я. – Вернемся сюда и все обсудим.

Диалог в голове прекратился, и я отправилась за едой. На улице было темно. Начинал покрапывать дождик, но все равно было классно. Я еще не была настолько свободна и все это, для меня было в новинку. Некоторые люди говорят, что

большие перемены помогают выйти на новый уровень – на лучший. Будем надеяться, что это именно так.

Район, в котором я поселилась, я знала хорошо, потому что, подрабатывая курьером в маленькой фирме, я изучила город вдоль и поперек. Я знала, где можно купить еду на вынос, вполне питательную и недорогую. Когда ты растешь в детском доме, ты знаешь, где и что можно купить подешевле. В этом мне нет равных (хотя Бриллиант советует мне избавляться от этой привычки).

Я купила жареную курочку, картошку фри, капустный салат, кусочек шоколадного торта и большой стакан черного кофе. Пока я рассчитывалась, Бриллиант просто орала у меня в голове. Она была поклонницей здоровой пищи, вот только беда в том, что ее поклонницей была только она одна.

– Я вас ненавижу! – кричала Бриллиант, когда я вернулась в квартиру. – Неужели я так много прошу? Зачем набивать желудок такими продуктами?

– Не ворчи! – отозвалась Аза. – Жрать охота, сил нет! Завтра посидим на диете!

Я слушала, но в спор не вступала. На самом деле я была невероятно голодная.

– У нас нет приборов, – сказала Дакота. – Мы про них забыли.

– Да какая разница! – гаркнула Аза. – Все это можно съесть руками.

– Еще чего не хватало! – рассвирепела Бриллиант. – Что

ж, давайте тогда просто наклонимся над этими контейнерами и поедим как поросята! А, что?

Девчонки мне поднадоели, но я знала, что если сейчас выключу эту «радиостанцию», то они обидятся, а мне сейчас, как никогда нужна была их помощь.

– Я схожу и куплю одноразовые приборы, – сказала я, подумав, что Бриллиант скорее права, чем не права. – А вы дадите моей голове капельку отдыха. Договорились?

Тишина. Значит, договорились.

Когда все-таки настало время ужина, мы с девочками принялись обсуждать планы на нашу дальнейшую жизнь.

– Первое, о чем нам следует подумать, так это о работе, – заявила Бриллиант. – На первом этапе подойдет любая, лишь бы платили достойно и во время.

– Ха-ха! Достойно – это как? – решила пошутить Аза, которой всегда нравилось злить Бриллиант. – Не слишком ли ты размечталась?

– Столько вопросов! – ухмыльнулась Бриллиант. – Смотри, голова заболит. Я не глупа и не наивна, и я не говорю о миллионах и директорском кресле. Ну, пока, во всяком случае. Но и работать по двенадцать часов за бутерброд я тоже не намерена! Так что, милые девочки, предлагаю завтра с самого утра начать поиск работы и такой, чтобы радовала нас всех!

– Я согласна с Бриллиант, – сказала я. – Работа нам необходима, как воздух. Мы не можем, да и не будем жить на

одно пособие. Это нас не украсит. Надо делать как можно больше, пока у нас есть молодость, здоровье и энтузиазм.

– И сила! – отозвалась Аза. – Что, кстати, немало важно, если учесть, что мы одни и заботиться о нас некому.

– Да, – тихо сказала Дакота. – По статистике, люди, кому довелось пройти путь, подобный нашему, не всегда, а точнее, очень редко «выходят в люди», но... Я хочу сказать, но если мы приложим усилия, и не будем падать духом, то мы справимся. Я уверена, что мы справимся.

– Да уж! Кто если не мы! – воскликнула Аза. – С нашим-то познавательным детством мы могли бы войну выиграть! Не справиться с поиском работы мы просто не можем!

– Вот такой настрой мне по нраву! – воодушевилась Бриллиант. – Вот именно с таким взглядом в будущее мы сможем построить для себя прекрасную жизнь! Так, учтите, что с первой зарплаты я куплю себе красивое маленькое черное платье – это классика, а то мне надоели ваши вечные джинсы и спортивные штаны. Я хочу быть красивенькой!

– Договорились, – ответила я. – Будешь ты у нас красивенькая!

И мы засмеялись. Я тогда подумала, что я бы наверно с ума сошла, если бы не «мои» девчонки. Я сидела и смотрела на худо-бедно обставленную комнату, и мне было весьма неудобно и страшно. Я знала, что дом – это такое место, которое может быть чем угодно, что это зависит от хозяина, а не от дома. Запомните, если хотите – ваш дом – это вы и

он будет таким, каким вы его сделаете. И дело не в дорогих побрякушках, которыми вы его напичкаете, а в покое, который он вам дает. Ведь в человеческой жизни мало что может сравниться с покоем.

– А чего мы гадаем? – вдруг вырвалось у Бриллиант. – У нас Дакота говорит на двух языках! Мы можем легко устроиться переводчиками! Что, она зря, что ли одиннадцать классов закончила почти на пятерки? Хотя в тех нескольких промахах виновата не она, а Аза. И не смей отпираться!

– У меня тогда был тяжелый период! Мне хотелось свободы, а не сидеть в комнате с камином и двумя занудами!

– Да ладно, мы уже это обсуждали, – сказала я. – Зачем сожалеть или злиться на то, что уже прошло. Это же самая бесполезная вещь на свете! Давайте-ка лучше не распыляться во все стороны, а то от этого будет только хуже. Мы много энергии потратим на прошлое, и у нас ничего не останется на будущее.

– О, Господи! – вскрикнула Бриллиант. – Мы не купили ничего для ванной комнаты! Как мы будем приводить себя в порядок утром?

Я обожала эту девчонку. Она вдохновляла меня. Без нее я бы вряд ли смогла нормально общаться с людьми, а так мне нужно было просто выпустить Бриллиант на «сцену» и предоставить ей возможность действовать. Сама я лишь наблюдала со стороны. За все время, с той поры как я обнаружила в себе эту «супер силу», я только дважды «выключа-

ла» девчонок, совсем. Я научилась это делать после пятнадцати лет. А до той поры, в моей голове постоянно звучали их голоса. Сначала это пугало, а потом стало обычным явлением, как «белый шум». Вам страшно? А мне уже нет.

Мы не заметили, как наступила ночь. Ночью все намного непонятнее. Ночью не чувствуешь себя в безопасности и в голову то и дело забегают дурные мысли. Я не люблю ночь. Не то чтобы меня пугала темнота, нет, скорее она даже иногда помогала (в основном она помогала думать), но, у меня жуткая бессонница, а целыми ночами сидеть и думать – очень выматывает. Очень. Тем более, вы замечали, что иногда вот подумаешь о чем-нибудь плохом, о какой-нибудь фигне и она сразу сбывается. Ну, почему с чем-то хорошим не так? Почему хорошее приходится постоянно вымаливать? Что за несправедливость!

Вот так, проговорив и продумав до трех часов ночи, я вдруг почувствовала, что невероятно устала. Голове нужен был отдых. Заключив, что мой первый день в роли «сам себе хозяин» прошел вполне себе нормально, я отправилась спать.

Глава 3

Новый день встретил меня могучим ветром и проливным дождем. Не самая хорошая погода для поиска работы. Выходить за газетами с колонкой «Требуется» совсем не хотелось,

а ни компьютера, ни интернета в моем жилище пока не было.

– Как поступим? – спросила Дакота.

– Работа сама себя не найдет, – выдала Бриллиант. – Надо что-то быстро решать.

– Звони Машке, – сказала Аза. – У нее определенно интернет дома есть. Попробуем совместить приятное с полезным.

Я задумалась. Решение было верным, но все равно подразумевало выход из дома (я терпеть не могу ветер).

– Долго думаешь, – просветила меня Аза. – Я понимаю твое желание остаться в теплом помещении, но ведь нам и умываться нечем и есть нечего и о собственном компьютере бы надо позаботиться. В целом – у нас куча дел за пределами этой квартиры.

С подобными выводами не поспоришь. Я стала собираться, предварительно позвонив Маше и договорившись о встрече (в юности можно бегать друг к другу без предупреждения, а вот в наши годы это уже выглядит нелепо). Старенькая, но по прежнему белая вязаная кофта, темно-синие джинсы, короткая черная спортивная куртка с капюшоном, обыкновенная черная шапка и черные ботинки – вот весь мой наряд. Не особенно красиво, но зато практично (Бриллиант просто выла от моего отражения в зеркале).

Зонта у меня никогда не было. Я не была поклонником подобной конструкции и даже не знаю почему. Накинув на голову капюшон, я стрелой пронеслась до автобусной оста-

новки и стала ждать. Ветер дул со всех сторон и даже те у кого был зон все равно были мокрые с головы до ног (в такую погоду зонт больше вредит, чем помогает). Спустя минут десять к остановке не спеша подкатил нужный автобус, и я быстро вбежала вовнутрь. Дорога к дому Марии по моим подсчетам должна была занять у меня минут двадцать. Про наушники для телефона я конечно забыла. Они так и остались лежать в сумке, которая так и осталась стоять на подоконнике. Мысленно себя, отругав, я занялась единственным делом, которое можно себе позволить в общественном транспорте – я уставилась в окно. А что там могло быть интересного? Люди, машины, грязь, почти совсем голые деревья и снова люди, машины... Ну, вы поняли. Скука!

Когда вдали показалась моя остановка, я встала. Хотелось как можно быстрее покинуть этот железный бак на колесах с его угрюмыми пассажирами и оказаться на воздухе. Seriously, у них были такие лица, как будто в данный момент они ненавидели все, что их окружало! Смотреть на это было в тягость, и когда двери автобуса открылись, я быстро выскочила на улицу и бегом побежала к дому своей единственной подруге.

– Ох, ты! Неужели добралась! – завизжала от радости Машка прямо в дверях. – Я уж думала, что ты совсем обо мне забыла. Давай, заваливайся в мою одинокую берлогу.

Жилище Марии и впрямь напоминало берлогу. Чистой в ее доме, на удивление, была только огромная клетка с по-

трепаным попугаем. Мебель была еще старее моей, но это вполне понятно, ведь у Машки не было Софии. Но не это предавало квартире безумно неопрятный вид, а катастрофическое количество пустых бутылок из-под пива и переполненных пепельниц.

Мне бы сказать ей сразу о своем недовольстве, но я решила, что первая встреча после расставания, не совсем подходит для этого.

– Не волнуйся, – сказала Машка. – У меня здесь не всегда так. Вчера был день рождение у друга, и мы просидели всю ночь, поздравляя и восхваляя его со всех сторон.

Она захохотала во весь голос и толкнула меня на диван.

– Садись. Я сейчас кофе сделаю.

Только тут я сообразила, что приперлась в гости с пустыми руками. Идиотка!

– Слушай, – крикнула я ей вдогонку. – Давай я сбегая и куплю чего-нибудь к кофе, а то я как...

– Успокойся, – сказала Машка, выглянув из кухни. – У меня все есть.

Через пару минут она принесла кофе, черный с сахаром, как я люблю и кучу сладостей на двух тарелках.

– Говорю же, вчера отмечали день рождение коллеги по работе, – сказала она. – Давай завтракать и болтать о жизни. Как ты устроилась? Может, помощь нужна?

– Нужна, так сказать, небольшая услуга, – сказала я. – У тебя интернет работает?

– Да. Иди, включай. А тебе зачем?

– Хочу посмотреть объявления о работе, – ответила я, за-
пихивая в рот круглое печенье целиком.

Машка вдумчиво жевала, не обращая внимание на то, что крошки от печенья падают прямо на нее. По ее лицу всегда можно было определить, когда она думает, а когда нет.

– Слушай! – выпалила Мария. – А ведь я могу помочь тебе по-настоящему!

– И как это? – спросила я.

Я долго ее не видела. Внешне она изменилась. Это было сразу заметно. Модная стрижка и другой цвет волос. Манера краситься и одеваться. Даже голос стал более глубоким и каким-то более взрослым. Но, это то, что сразу бросалось в глаза, а вот про ее внутреннее состояние, я пока ничего не могла сказать. Вроде Машка, как Машка.

– Я сейчас работаю в ресторане «Роксана», официанткой, – начала она. – У нас вчера уволилась девчонка, которая посуду мыла и теперь наша хозяйка ищет ей замену. Если хочешь, я поговорю с Роксаной?

– Хозяйка ресторана назвала его своим именем? – спросила я и широко улыбнулась. – Как это ново и оригинально.

Мы снова засмеялись, звонко и открыто, как делали это прежде.

– Так мне позвонить ей? Только сразу предупреждаю, баба она скверная. Всех держит в ежовых рукавицах и спуску никому не дает. Я почему-то уверена, что вы с ней не срабо-

таетесь, но чем черт не шутит, когда дьявол спит.

– Ты что, книжки начала читать? – спросила я с нескрываемым сарказмом. – Или у тебя другой источник...

– Заткнись! – перебила меня Машка. – Я звоню.

После десятиминутного разговора с Роксаной, Машка гордо отключила свой новый и далеко не дешевый мобильный телефон, а потом торжественно заявила, что через час мы должны быть в ресторане.

– Не волнуйся! – подбадривала меня подруга. – Это банальные «смотрины». Только один совет – говори как можно меньше. Роксана не любит болтливых.... Да она вообще никого не любит. У нее поганый характер.

– Так может мне лучше не идти? – Я уже не была уверена в правильности этого поступка.

– Отступать уже некуда! – заявила Машка. – К тому же, тебе все равно нужна работа, а в ресторане хоть платят немного, всего тысяч одиннадцать, но зато работать будешь примерно часов пять, по вечерам, а потом полная свобода. В крайнем случае, не понравится – уйдешь.

Пока Машка переодевалась, я думала. Думала, может, стоит выпустить «на сцену» Бриллиант?

– Если хочешь, чтобы я полюбезничала, то я только «за», – прозвучало у меня в голове. Это была Бриллиант. – Но, я уверена, что со стервами ты умеешь общаться не хуже меня.

Я согласилась с ее доводами и решила быть на собеседовании сама.

Роксана и вправду была женщиной не из приятных. Ей было около сорока лет. Она имела пожилого богатого мужа, который и подарил ей модный ресторан в самом центре города. Роксана была не особо красивой, но довольно ухоженной женщиной. Она не была миниатюрной, скорее наоборот. Про таких как она, говорят – «кровь с молоком». Но, не подумайте, она не была безобразной теткой. Она следила за собой от и до, а свои параметры просто боготворила. Она носила дорогую одежду, таскала на себе кучу драгоценных украшений и разъезжала на крутом автомобиле. Словом, Роксана была из тех барышень, которые сделают все, лишь бы быть богатыми и властными. Короче, она мне сразу не понравилась, как только я вошла в ее кабинет при ресторане.

– Так-так, – выдала она с видом заскучавшего человека. – Значит, ты та самая Яна, которая ищет работу?

– Да, – ответила я, продолжая стоять возле двери. Напрасно я ждала, что мне предложат сесть. Этого не случилось. Этого еще не с кем из персонала не случилось.

– Сразу предупреждаю, работы много – денег мало, – сказала Роксана, посмотрев на меня отсутствующим взглядом. – У меня немного правил, но их нужно соблюдать беспрекословно. Я не устрою тебя на работу официально, об этом даже не думай. Я не оплачиваю больничные и выходные. В твои обязанности будет входить – мытье посуды, мытье пола на кухне и в случае наплыва гостей еще и уборка посуды со столов в зале. Это все. Рабочий день с шести до двенадцати.

Твоя смена – через день. Зарплата – одиннадцать тысяч рублей. Если ты согласна, то можешь сегодня выходить. Если нет – то всего хорошего и закрой за собой дверь.

В голове послышалось:

– Черт, а можно я ей нос сломаю? – спросила Аза.

– Тише! – возмутилась Дакота. – Яна сама справится. Не лезь!

– Мне подходит, – ответила я. – Буду к шести часам.

– Тогда, до встречи, – сказала Роксана.

Я вышла из кабинета с таким чувством как будто в меня бросили тапок. Я много чего не одобряла, но пренебрежение я просто ненавидела. Чтобы хоть как-то отойти от беседы с хозяйкой дорогого ресторана, я сразу вышла на улицу. Там-то меня и нашла Машка.

– Надеюсь, повезло? – спросила она, схватив меня за руку.

– Повезло, – ответила я без особого энтузиазма. – Одна надежда, что в коллективе не такие солидные люди, как твоя Роксана.

– Это ты в точку! – выпалила Машка. – У нас на кухне все люди прикольные. Ну, кроме шеф-повара. Он у нас благородных кровей, оттого и ведет себя как царь. Ты его игнорируй и через день-два он перестанет к тебе цепляться. Ты сегодня выходишь?

– К шести велено быть у мойки, – ответила я. – Спасибо, Машка.

– Так мы друг другу для этого и нужны, – прошептала она

мне на ухо. – Все как в старые добрые времена.

Она крепко обняла меня, хотя знала, что я меньше всего этого хотела. Она знала, что я не любитель «обнимашек».

– Ты сказала ей, что ты сирота? – спросила Мария.

– Нет, – ответила я и высвободилась из ее объятий. – Зачем это говорить?

– Лично я сказала. Она, таким как мы поблажки делает.

– Меньше всего на свете я хочу, чтобы меня жалели, – сказал я, и пристально посмотрела в глаза своей подруги. – Я не сказала и ты не вздумай сказать. Я не шучу.

Машка сделала полшага назад. Она всегда опасалась моего дикого блеска в глазах, потому что несколько раз видела, как я умею огорчать людей.

– Да не злись ты! Я все поняла! Не хочешь, чтобы на работе знали о твоём прошлом – дело твоё. Документы тут все равно ни у кого не спрашивают.

На этой не очень дружелюбной ноте мы с Марией расстались. Она поехала к кому-то в гости, а я отправилась домой. Нужно было еще много чего сделать. Зайти в магазин и купить еду. Потом надо было приобрести зубную щетку, шампунь, мыло и прочую ерунду. Еще хотелось зайти в магазин электроники и присмотреть ноутбук по хорошей цене. Лишние траты не входили в мой скромный список «Сделать срочно», но какой-нибудь компьютер мне был необходим, и всю дорогу к дому я пыталась высчитать, в чем бы я могла себя ограничить, для того чтобы купить себе это чудо техники.

Поднявшись на свой этаж, я на мгновение остановилась. Около моей двери на корточках сидел мальчонка, лет девяти-десяти. Голова его покоилась на коленях, а руки лежали поверх нее. Зрелище было не для слабонервных.

У меня был внушительный опыт по «работе» с запуганной молодежью, ведь в наш детский дом прибывало много таких детей и чаще всего их успокаивали мы, а не воспитатели.

Мальчишка сидел смирно. Он как будто ни чего не слышал, хотя я была уверена, что он отчетливо слышал мои тяжелые шаги (я шла злая, после беседы со своим работодателем, да еще с двумя полными пакетами).

– Эй, дружок! – осторожно начала я, как учили в одном из учебников по психологии. – Ты чего здесь делаешь?

Мальчишка резко поднял голову и посмотрел на меня исподлобья.

– Я тебе не дружок! – огрызнулся он. – Я Пашка!

– Отлично, – тихим голосом сказала я. – А меня зовут Яна. Так что ты здесь делаешь, Пашка?

– Не твое дело, – ответил он, продолжая сидеть возле моей двери. – Давай, иди куда шла!

– Да я бы с радостью последовала твоему совету, вот только одна беда – шла-то я именно сюда. Ты загораживаешь вход в мою квартиру.

Пашка оглянулся, как бы проверяя, правда ли то, что я говорю. Убедившись, что за его спиной и впрямь находится дверь, он встал на ноги и отошел в сторонку. Я успела заме-

тить, что одет он совсем не по сезону в одежду, которая была ему совсем не по размеру. Я в тот же миг поняла – или сирота или «сирота с родителями».

Пашка был сообразительным парнишкой – сразу заметил, что я бегло оглядела его с головы до ног.

– Не пялься на меня! – рыкнул он и сдвинул брови.

Под этими белесыми бровями были глаза, но не просто глаза, а два темных колодца.

– Ты голодный, Пашка? – спросила я, потому что мне не хотелось уходить просто так и оставлять его на площадке.

– Иди уже! – ответил он и снова бросил на меня свирепый взгляд.

– Не хами мне, малец! – возмутилась я, так как знала, что проявлять жалость в открытую, к таким как Пашка, не надо. Это разозлит его еще сильнее. Я сама такая и ненавижу, когда на меня смотрят с грустью и тоской. – Слушая, уговаривать не стану. Если хочешь кушать, то заходи, поедим вместе. Я сейчас войду, но дверь на замок закрывать не стану. Захочешь присоединиться – буду рада. Ну, а если ты не голодный, тогда – всего хорошего!

Я открыла дверь своей квартиры и вошла, просто захлопнув ее. Я не была уверена, что мальчик пойдет за мной следом, но все равно решила помедлить с закрыванием двери на замок.

Я разулась, разделась и прошла сначала в кухню, чтобы разложить продукты.

– Он не зайдет, – сказала Аза. – Он уже не доверяет людям. Это у него на лице написано.

– И правильно делает, – подключилась к разговору Бриллиант. – Предосторожность превыше всего. Ты же сама нас этому учила, Аза.

– И разве я была не права?

– Права, – ответила Бриллиант. – Ты у нас всегда права.

– Вот только давай без сарказма, – отпарировала Аза. – Тем более что ты в нем не сильна.

– Тише, девчонки, – прошептала Дакота. – Кажется, дверь открылась.

Дверь на самом деле открылась, а потом плавно закрылась. Пашка все же вошел.

– Проходи! – крикнула я. – Если хочешь, можешь не разуваться. Я на кухне. Сейчас чай поставлю. Как раз опробуем чайник, который я только что купила.

Пашка ничего не ответил, но по шагам я поняла, что в комнату он все же прошел. Я выждала минуты три-четыре, а потом заглянула в комнату. Пашка сидел на кресле, которое стояло ближе всего к выходу. Умный парнишка.

– Гамбургеры будешь, с картошкой фри? – спросила я, зная, что ответ будет положительным.

– Да, – сухо ответил Павел.

Он не разделся и не разулся (я же говорю – умный парень). Его глаза не бегали по комнате, а сосредоточенно следили за мной. Он знал, что опасность здесь может исходить от меня,

а не от стен.

– Тогда готовься к трапезе, – известила я его и ушла обратно на кухню.

Я налила Пашке кофе, потому что чая у меня не было. Чтобы не портить раньше времени организм ребенка, я добавила в его чашку молока. В магазине я купила два гамбургера и много картошки фри, а еще пять маленьких кексов с шоколадной крошкой. Сначала я принесла Пашке кофе и гамбургер, завернутый в бумагу, потом картошку на тарелке и два кекса. Он поместил все это у себя на ногах и принялся жадно набивать рот.

Постепенно его бдительность перестала быть такой острой, но он все еще поглядывал на меня исподлобья. Я сидела на диване, ела и делала вид, что не замечаю, как он следит за мной.

– Почему у тебя нет телевизора? – нарушил он молчание.

– Я его не смотрю, – ответила я. – Не люблю тратить время впустую.

– Почему впустую? Там же полно всяких дурацких сериалов и жутких программ, – сказал Пашка, отпивая большой глоток кофе с молоком.

– Так я об этом и говорю! Зачем тратить время на что-то дурацкое?

– А как тогда развлекаться? Я бывает, часов по десять сижу за экраном. Если получается остаться...

Он резко замолчал, будто сам себе язык откусил. Я при-

гляделась. Опять эти глаза – большие, карие и совсем не детские. В этих очах была видна старость. Ни «огонек», ни «блеск», ни «радужное детство», а старость. В детдоме полно таких глаз и их не с чем не спутаешь. Уж я-то знаю. У меня у самой когда-то были такие глаза (они только недавно начали молодеть).

– А как тебя по отчеству? – спросила я не из интереса, а для того, чтобы укоротить возникшую паузу.

– Алексеевич я, – ответил Пашка, без особой радости в голосе.

– Не плохо, – сказала я. – Слушай, Павел Алексеевич, если в следующий раз некуда будет идти, то иди прямо сюда. Я тебя не обижу. Тебе сегодня есть, где ночевать?

– Ночевать мне почти всегда есть, где, – ответил Пашка. – Ну, ладно, мне пора. Спасибо за еду.

Он встал с кресла, поставил на стол пустую чашку и тарелку, положил рядом бумагу от гамбургера и откланялся.

– Если что, то я работаю с шести вечера и до двенадцати ночи, – крикнула я ему вдогонку.

Я не стала его удерживать. Было бы только хуже. Для начала вполне хватило и того, что он поел и ушел со знанием того, что теперь, в случае чего, ему можно сюда вернуться.

– Храбрый пацан, – сказала Аза грустным голосом. – Такой не пропадет.

– Дай-то Бог, – промолвила Дакота. – Жаль только, что он в школу не ходит. Трудно нынче без образования, а если он

даже школу не закончит...

– Ну, это смотря, кем планируешь стать, – вмешалась в разговор Бриллиант. – Наша Яна хочет стать писателем, так ей вовсе не к чему твое высшее образование. Правда, же, Ян?

– Успокойтесь, дамы, – ответила я сразу всем. – Не хватало нам еще поссориться в наш первый рабочий день.

– Но, мы же будем поступать в институт? – неуверенно спросила Дакота.

– Давайте об этом позже поговорим, – ответила я. Другого ответа у меня пока не было.

Оставшееся время пролетело быстро и в заботах. Мы с девчонками только больше часа пытались распределить наши деньги на неотъемлемые нужды и хоть как-то урезать траты, чтобы иметь возможность откладывать деньги на ноутбук. Конечно, я могла бы пользоваться интернетом на телефоне, но у нас четверых были разные интересы и поэтому трафик на нем заканчивался очень быстро. Это было экономически невыгодно.

В свой первый рабочий день я вошла в ресторан с черного входа, где меня встретила приветливая девушка с короткими розовыми волосами и накрашенными ярко красной помадой губами. Мы сразу сошлись. Ее звали Алина, и она была моя сменщица, то есть она мыла посуду до шести, а я после шести. Она была высокая и худенькая, поэтому легко маневрировала между столами и полками с посудой.

Я сняла верхнюю одежду и повесила на вешалку, рядом с

входной дверью. Потом мы прошли в небольшую комнату.

– Вот тут твое рабочее место, – сказала Алина, показывая мне на две большие раковины. – В одной моешь все с чистящим средством, а в другой споласкиваешь. На столе лежат полотенца, ими ты вытираешь посуду, обязательно досуха. Обязательно, а то повара начнут орать. Питаться будешь здесь. У тебя будет получасовой перерыв, так что успевай за это время сделать все нужные дела.

Она посмотрела по сторонам, а потом крикнула:

– Зоя Петровна, солнце мое! У нас новенькая! Зовут Яна и она Машкина подруга!

Зоя Петровна выглянула из-за угла. На голове у нее громоздился белый колпак, а ниже, круглое, румяное лицо, на котором красовались добрейшие глаза и искренняя улыбка. Несколько секунд она смотрела на меня, а я на нее. Когда Зоя Петровна все же решила подойти поближе, то я увидела женщину пятидесяти – пятидесяти пяти лет, не высокую, плотную, с маленькими пухлыми ручками.

– Какая ты хорошенькая! – восхитилась она и бросилась меня обнимать. Я такого не ожидала и это, видимо, отразилось на моем лице, потому что Зоя Петровна быстро отстранилась и продолжила свою речь. – Не удивляйся, дорогуша. Здесь я для всех как двоюродная бабушка, так что имей в виду, если тебе что-нибудь понадобится, можешь спокойно обращаться ко мне. Зоя Петровна всегда поможет.

– Это правда, – вмешалась Алина. – Зоя Петровна у нас

просто клад!

– Да ну тебя! – в шутку возмутилась женщина. – Придумала тоже – клад! Пойдем лучше познакомим Яночку с остальным коллективом.

Зоя Петровна подхватила меня под руку и поволокла на кухню, на которой суетились еще семь человек и все они, как и сама Зоя Петровна, были одеты в белое. Кухня представляла собой большое, светлое и очень чистое помещение, где все было сделано по последней моде.

– Дорогие коллеги! – крикнула Зоя Петровна. – У нас новый сотрудник. Это Яна и она теперь будет отвечать за чистоту во вторую смену.

Все семь человек окинули меня быстрым взглядом, покивали, кто-то махнул мне рукой и на этом «смотрины» были закончены.

– Как торжественно! – шепнула Аза. – Теперь ты отвечаешь за чистоту! Сказано так, как будто ты отвечаешь за главный сейф в швейцарском банке.

– Тише, – оборвала ее Дакота. – Не мешай.

После «смотрины» начался «обряд посвящения». Машка в этот день не работала, так что разговаривать мне особо было не с кем, поэтому я полностью отдалась работе. Две девушки не останавливаясь, таскали мне разную посуду, успевая при этом заговорщически переглядываться. Я так поняла – они решили устроить мне испытание. Детский сад! Наивные люди. Если бы они хоть раз подежурили в столовой детского

дома, то поняли бы, что все эти «штучки» для меня ничего не значат. На подобные провокации я перестала реагировать лет в четырнадцать.

В одиннадцать часов вечера ресторан закрыли и все разошлись. Я домыла посуду, вымыла на кухне пол и тоже отправилась домой. В заведении остались двое профессиональных охранников в дорогих костюмах, один из которых и закрыл за мной дверь. Знакомиться мы не стали.

Оказавшись на улице в первом часу ночи, я испытала чувство удовлетворения. Было прохладно, но не холодно и огромная луна на небе была в эту ночь большой и яркой лампочкой для всего города. Может, именно благодаря погоде, я ничуть не расстроилась из-за того, что мне предстояло еще больше часа добираться до дома пешком по длинным, безлюдным улицам. Ничего страшного, подумала я, но на всякий случай, выпустила на «сцену» Азу.

Постепенно я втянулась в свой новый жизненный график и дни, практически одинаковые по своему содержанию, полетели один за другим. Так прошел октябрь, за ним ноябрь и наступил долгожданный декабрь, который для многих людей был самым радостным месяцем в году (это, разумеется, благодаря празднику, который мы все знаем под названием «Новый год»).

Вкратце расскажу вам об этих месяцах. Ничего особенного в них не было. Несколько раз приезжала София, чтобы проверить мою жизнь. Машка приходила в гости три раза

и каждый раз с новой историей про нового парня. У меня пока не было желание обзаводиться второй половиной, чего Машка категорически не одобряла и абсолютно не понимала. Павла Алексеевича, своего девятилетнего знакомого я не видела. Зато, где-то в середине ноября я познакомилась со своими соседями по лестничной площадке. Это были на вид довольно милые старики, супружеская пара – Герман и Фрида. Они с самой первой встречи просили называть их только так, без всяких там бабушек и дедушек. Я знаю, что это не очень важно, но все-таки скажу о них несколько слов. Герман – бойкий старичок. Спортивный, молчаливый и слегка хмурый. Он всегда слушает жену и помогает соседям с их мелкими бытовыми проблемами. Фрида – очаровательная старушка с проседью в волосах и улыбкой на устах. Она всегда вежлива. Всегда чисто и красиво одета, как и ее муж. Фрида печет вкусные пироги и запеканки и частенько угощает этими лакомствами соседей. Много говорит о детях, возможно потому, что у нее нет своих. Хотя, по ее рассказам можно догадаться, что у нее много братьев и сестер, которые нередко отправляют к ним своих внуков и внучек. Другие старики, скорее всего, относились бы к этому как к наказанию, а вот Фрида с Германом, похоже, воспринимали это иначе.

Я никому и никогда не говорила, что я сирота, поэтому, когда меня спрашивали, почему я в столь юном возрасте живу одна, я всегда отвечала, что я очень резко стала самостоятельной, и родители решили удовлетворить мою просьбу и

поселить меня одну. Взрослые люди, услышав такое, выказывали восхищение моим родителям. Это правда. Всем взрослым людям хочется воспитать умных, хороших и самостоятельных детей, чтобы не приходилось за них все время волноваться.

Доказав в первую очередь себе свою самостоятельность я все-таки смогла накопить нужную сумму и купить себе новенький ноутбук и подключить интернет. Я прелесть! Этой цели я достигла! Оставалось еще много всего, но я скрупулезно, а главное, терпеливо двигалась к своей мечте. А мечтала я о том, чтобы стать писателем. Пока я делала кое-какие наброски на бумаге, в основном в утренние часы, но я жадно ждала «новогодних каникул», тех самых долгих выходных, чтобы начать работу над книгой. В этом моем желании меня поддерживали все (я о «своих» девчонках), кроме Азы. Аза считала это неоправданной тратой времени и каждый раз, как я садилась за работу, она уходила и не показывалась до той поры, пока я не заканчивала. Злая девочка!

К концу декабря мой внутренний мир дал трещину. Начался бунт. Что-то подобное я уже переживала, когда заканчивала школу. Все «мои» девчонки вдруг резко стали требовать исполнения своих желаний. Бриллиант хотела новую стильную одежду и качественную дорогую косметику. Аза хотела спортивный инвентарь или записаться в тренажерный зал, чтобы не терять сильное тело, над которым она так долго и тщательно работала. Дакота же мечтала об институте и

о нагрузке на мозги (в отличие от Азы). Они тянули меня в разные стороны, и я не знала, на чем изначально следует сосредоточиться.

У нас начались долгие и мучительные разговоры, не приводящие ни к чему. Мы ругались и перепирались и никак не могли найти точку соприкосновения. Я-то хотела просто запереться в квартире, месяца на три-четыре и попробовать написать хорошую книгу! Я знала, что пока это невозможно, но... Мечтать любят все. Вот и я мечтала. Вот так же мечтали и «они».

Однажды, после очередной рабочей смены, я возвращалась домой по ужасно плохой погоде. Было холодно и дул ветер. Я была в черном зимнем пуховике, который доходил мне до колен и в черной вязаной шапке, которую мне подарила Машка (это был подарок на Новый год). Я в долгу не осталась и преподнесла ей роскошную красную кофту, которую она как-то показала мне в магазине. Но, мы отошли от главного. Я возвращалась домой и между мной и «моими» дамами завязался очередной спор.

– Ну, объясни мне, к чему тратить столько времени на написание какой-то книжки? – возмущалась Аза. – Ведь совершенно не факт, что она понравится тому, кому нужно. А если ее не возьмет ни одно издательство, то тогда зачем все это?

– Не надо так, – сказала Дакота. – Можем мы хоть раз поговорить нормально?

Говорить на улице сейчас было вполне безопасно. Вокруг не было ни души. Какой дурак будет ночью шататься по дворам да еще в такую погоду? Только я!

– А что тут разговаривать? – вмешалась Бриллиант. – Книжки – это хорошо, тренажерный зал – это хорошо, институт – это тоже хорошо. Вот только одно плохо – где нам взять столько времени и сил, чтобы успеть все? К тому же, я уже знаю, что это многим не понравится, но я тут подумала, что нам бы надо выучиться ездить на машине и сдать на права.

– Зачем нам машина? – спросила Дакота. – Сейчас можно спокойно добраться куда угодно на автобусе или такси или...

– Да уж! Зачем нам машина? – выкрикнула Бриллиант. – Нам же так нравится таскаться по ночам и вздрагивать, то от шума вдалеке, то от ледяного ветра!

– На счет машины, Бриллиант права, – сказала я. – Но, сейчас это нам не по карману, так что об этом можно пока не думать.

– Но, в автошколу записаться надо, – твердо сказала Бриллиант. – У нас все равно целый день свободен, так что мы бы вполне могли заняться этим.

– Вообще-то, я думала еще об одной работе, – начала я. – Точнее, о подработке, которая бы не занимала много времени.

– Я смотрю, здесь никто не думает об образовании, – обиженно сказала Дакота. – Если мы поступим в институт, то сможем получать неплохую стипендию, ежемесячно! Днем

будем учиться, а вечером работать. По-моему – отличный план!

– Вот мне бы такую мудрость! – воскликнула Аза. – А в твоём «отличном плане» есть место для сна? Яна и так отвратительно спит, а от переутомления, она вообще с катушек слетит!

– Нет, это вряд ли, – сказала Дакота со знанием дела. – Возможно, именно это и послужит толчком к нормальному, пусть и короткому сну. К тому же, мы все равно не будем вечно работать в ресторане. Позже мы сможем найти работу на дому и делать ее дома, вечерами.

– А когда мне писать книгу? – спросила я у своих советчиков. – Если у меня будет забит весь день, то когда мне заниматься тем, что мне нравится?

– На это всегда время найдется, – сказала Аза. – Я же нахожу время на спорт.

Переговоры продолжались всю дорогу. Только тогда, когда я вставила ключ в дверь своей квартиры, девчонки перестали нападать и оставили меня, дав моей голове время на отдых. Ко сну я отошла в полной тишине.

Утром я проснулась от жуткой боли в шее. Было еще рано, так как, открыв глаза, я обнаружила, что в комнате по-прежнему темно. Я сидела в кресле, укрытая пледом с телефоном в руках. Понемногу придя в себя, я почувствовала онемение в пальцах от крепких объятий с телефоном. Я не могла понять, в чем дело. Не могла вспомнить, как я оказа-

лась в кресле, когда прекрасно помнила, что придя домой, я поела, помылась и, разобрав диван, рухнула спать. Потом – ничего.

– Какого хрена! Девчонки, подъем!

Тишина. Плохая тишина. Такую тишину я не люблю.

– Девчонки! Что происходит?

Тишина. Я встала на затекшие от скрюченного положения ноги и, подойдя к комоду, включила лампу, которая там стояла. Телефон по-прежнему был в моей руке, и я посмотрела, сколько время – без двадцати семь утра. Великолепно! Что дальше?

– Девчонки, какого черта? – злилась я. – Кто-нибудь объяснит мне, что здесь твориться? Девчонки, ну же!

Мне никто не хотел отвечать и меня это злило. Я пошла на кухню и включила чайник. Мой чайник гудел как истребитель, и от него мог проснуться даже глухой, не то, что я. Звук кипение воды слегка меня взбудоражил, а умывшись прямо на кухне, я проснулась окончательно.

– Девчонки, у вас есть последний шанс, чтобы объяснить мне, в чем дело. Я знаю, что это проделки одной из вас, так что вам все равно придется об этом рассказать. Я жду!

И вот, когда мое терпение уже подходило к концу, я услышала тихий и взволнованный голос Дакоты.

– Это я, – прошептала она. – Это сделала я, но я не виновата.

– Но, почему я ничего не помню? – спросила я, не менее

ВЗВОЛНОВАННО.

– Я не знаю, – продолжала шептать Дакота. – Я не смогла...

– А где остальные? – спросила я. – Девочки, не хотите присоединиться к разговору? У нас тут как бы – проблема!

Мне никто не ответил, кроме Дакоты.

– Они не ответят, – сказала она. – Я всю ночь пыталась. Я об этом и начала говорить, когда ты меня перебила. Я не смогла никого из вас разбудить. Ни тебя, ни девчонок. Они не отзываются.

– Так не бывает! – удивилась я, впервые за последние десять лет.

– Послушай, я проснулась не просто так, – начала Дакота. – Я спала, как и вы все, но потом, я вдруг открыла глаза, оттого, что услышала чей-то плач. Кто-то плакал!

– В мире полно людей, которые могут плакать ночью, – сказала я. – В этом нет ничего странного. Меня больше беспокоит, куда подевались Аза и Бриллиант?

– Плач, как мне показалось, был детский, – сказала Дакота дребезжащим голосом. Она была напугана и я это чувствовала. – Плакал ребенок.

– Дети часто себя так ведут, – огрызнулась я не понимая беспокойство Дакоты не за своих, а за чужих. – Если плач был слышан у нас, значит, это просто соседский малыш решил устроить родителям встряску. Это не страшно, просто чуточку выматывает. Но, это не наши проблемы.

– Ты не права, – сказала Дакота. – Знаешь, что-то было в этом плаче... Он, был каким-то сдавленным, каким-то ненормальным.

Я мало слушала Дакоту, а она все продолжала говорить и говорить, пока я не психанула и не попросила ее уйти, чтобы дать мне время подумать. Я просидела на кухне минут сорок. Выпив чашку кофе и так ничего и не вспомнив, я отправилась на диван, досыпать.

Конечно, с моим отношением ко сну, это была громадная проблема. Уснуть один раз – это было уже хорошо. Уснуть два раза за ночь – это было невозможно. Я ворочалась с боку на бок, становясь злее с каждым поворотом. Мне вдруг все стало ненавистно.

Я прокручивала в голове все, что случилось: во-первых, у меня отчего-то начались провалы в памяти; во-вторых, я не могу связаться с двумя «своими» девчонками; в-третьих, у Дакоты вот-вот начнется истерика, вызванная каким-то детским плачем.

Поздравляю тебя, Яна Вист! По-моему, в тебе остается все меньше и меньше здравого смысла.

Глава 4

Я проснулась в двенадцатом часу дня и глазам своим не поверила, глядя на часы. Я никогда столько не спала!

– Что со мной твориться?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.